

Сэм Грин

Зэра. Восход

Сэм Грин
Зэра. Восход

«Автор»

2026

Грин С.

Зэра. Восход / С. Грин — «Автор», 2026

«Гирион однажды уже спас Зэру. Теперь то, что он оставил погребённым, пробуждается вновь. Чтобы закончить давнюю битву, ему придётся поставить на кон всё. Но никто не знает, чем обернётся победа для мира, никогда не знавшего магии.»От автора. Зэра. Восход. Это первая книга из серии о мире Зэра. Её отличие от остальных книг про магию в том, что в моем мире магия не предстаёт как данность, а начинается с нуля. Эта история о том, как магия зарождалась, и к каким последствиям это привело. Приятного чтения.

© Грин С., 2026

© Автор, 2026

Сэм Грин

Зэра. Восход

Пролог: «Рождение Слова»

Слова в те дни были простыми, как камни у реки. Они несли лишь тот смысл, который вкладывал в них человек, и никто не боялся произнести их вслух. О магии вспоминали только в старых преданиях, рядом с рассказами о забытых богах и чудовищах, которыми пугали детей у вечернего огня.

Зэра жила привычной жизнью. С рассветом пахари выходили в поля, в кузницах звенели молоты, у причалов пахло смолой и речной водой. Люди работали, спорили, женились, растили детей и старели, не подозревая, что одно неверно произнесённое слово способно изменить человеческое тело или расколоть небо над головой.

Наша история началась в Богфоре, маленькой деревне на реке Ярви, недалеко от гор Ривенхайм. Здесь находилась одна из переправ между Тавендором и Ардосом, поэтому рядом с рыбацкими лодками часто стояли купеческие баржи, а перед причалом ожидали своей очереди повозки. День выдался ясным и тёплым. После утренней росы трава ещё блестела, а Ярви текла так спокойно, что облака отражались в воде почти без искажений.

Среди лодочников был десятилетний Газар — худой темноволосый мальчик с почти чёрными глазами. Его мать умерла при родах, и с тех пор они с отцом жили вдвоём. Хадар не умел говорить о чувствах долго и красиво; он вообще предпочитал словам дело. Но Газар никогда не сомневался, что отец любит его. Это чувствовалось в том, как Хадар оставлял ему лучший кусок рыбы, как зимой вставал раньше, чтобы растопить печь, и как теперь, сидя напротив в лодке, уже третий раз терпеливо наблюдал за его попытками распутать одну и ту же сеть.

— Не тяни, — сказал Хадар.

Газар замер с петлёй в пальцах.

— Я не тяну.

— Тогда это сеть от страха трещит?

Мальчик покосился на него.

— Она сама затянулась.

— Разумеется. Сети только и ждут, когда рыбак отвернётся, чтобы завязаться покрепче.

— Я серьёзно.

— И я.

Газар снова взялся за узел, но теперь осторожнее. Мокрая верёвка скользила между пальцами.

— Ничего не видно.

— Не смотри на весь узел. Ищи петлю, с которой он начался.

— Откуда мне знать, с какой?

Хадар отложил поплавок, над которым работал, и придвинулся.

— Дай сюда.

Газар уже протянул сеть, но в последний момент передумал.

— Нет. Покажи, только сам не распутывай.

Отец посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Значит, всё-таки сам?

— Сам.

— Тогда вот. — Хадар коснулся пальцем переплетения. — Видишь эту верёвку?

— Вижу.

— Она свободнее остальных. Потяни её назад. Только не рви, будто тебе сеть денег должна.

Газар осторожно потянул. Петля ослабла.

— Вот!

— Не кричи. Рыба услышит и уйдёт.

— Рыба под водой.

— Поэтому и слышит лучше нас.

Газар подозрительно посмотрел на отца.

— Ты сейчас опять шутишь?

— Может быть.

С соседней лодки донёлся голос Торна:

— Не верь ему, Газар. Твой отец всю жизнь рассказывает людям всякую чепуху с таким лицом, будто это мудрость предков.

Хадар даже не повернулся.

— А ты всю жизнь слушаешь. Значит, не такая уж чепуха.

Торн был худым, жилистым и вечно небритым. Он сидел, расставив колени, и пытался освободить из сети небольшую серебристую рыбёшку.

— Я слушаю из уважения к возрасту.

— Мы одного возраста.

— Ты выглядишь старше.

Грен, рыбачивший чуть ближе к берегу, громко рассмеялся.

— Осторожнее, Торн. Ещё немного — и Хадар припомнит, кто прошлой весной вытаскивал твою лодку из камышей.

— Течение виновато.

— В камышах?

— Особенно коварное течение.

Газар засмеялся.

Торн поднял рыбёшку за хвост.

— Вот вы смеётесь, а я между тем единственный здесь работаю.

Грен заглянул в его корзину.

— Если это работа, то рыба сегодня победила.

Хадар тихо рассмеялся, а Торн сделал вид, будто собирается бросить рыбу в Грена. Потом всё-таки отправил её в корзину.

— Зависть, — объявил он. — Чистая зависть.

— К чему?

— К мастерству.

— Тогда покажи его хоть раз, чтобы мы знали, чему завидовать.

Пока они спорили, Газар окончательно освободил петлю и с довольным видом расправил сеть на коленях.

— Всё.

Хадар проверил работу.

— Ну вот. А если бы дёрнул?

— Порвал бы.

— Теперь скажи, чему научился?

Газар немного подумал.

— Не слушать Торна?

На воде повисла короткая тишина.

Грен расхохотался первым. Хадар отвернулся к реке, но Газар заметил улыбку.

— Эй! — возмутился Торн. — Я вообще-то старше тебя, мальчишка.

— Поэтому у тебя было больше времени научиться сеть забрасывать.

— Хадар, ты слышишь, как твой сын разговаривает со старшими?

— Слышу.

— И?

Хадар пожал плечами.

— Про сеть он ничего не сказал.

— Предатели. Оба.

— Не переживай, — утешил его Грен. — У тебя ещё есть рыба.

Торн посмотрел в корзину.

— Вот именно.

— Пока не сбежала.

Некоторое время слышались только плеск воды о борт, скрип дерева и негромкие голоса с берега. Хадар расправил следующий участок сети и протянул сыну деревянный челнок.

— Здесь ячейка разошлась. Попробуешь?

Газар взял челнок.

— Сам?

— Я буду смотреть.

— А если неправильно?

— Распустишь и сделаешь ещё раз.

— А если опять неправильно?

— Сделаешь третий.

Газар вздохнул.

— Долго.

— Зато потом не будешь делать четвёртый.

Газар, улыбаясь, принялся продевать челнок. С первого раза петля легла криво. Он хотел быстро затянуть её, но заметил взгляд отца, остановился и распустил.

Хадар ничего не сказал.

Со второго раза вышло лучше.

— Теперь?

Отец потянул ячейку пальцами.

— Теперь выдержит.

На лице Газара появилась довольная улыбка.

— Дай ещё одну.

— Сначала эту сеть закончим.

— Я быстро.

— Вот этого я и боюсь.

Газар фыркнул и придвинул к себе следующий участок.

Через некоторое время он первым нарушил молчание:

— Мало сегодня.

— Пока мало, — ответил Хадар.

— Вчера к этому времени корзина была почти полной.

— Вчера вода шла иначе.

Газар посмотрел на Ярви. Река выглядела совершенно обычно.

— И где ты это видишь?

Хадар указал подбородком на ряд поплавков.

— Смотри не на середину реки. На край сети.

Газар прищурился.

— Их тянет к берегу.

— Вот. А вчера уводило дальше. Ночью похолодало, течение поменялось. Рыба ушла глубже.

— Значит, мы поставили сеть не там?

— Возможно.

Газар удивлённо повернулся.

— Возможно?

— А ты думал, я с рыбой договариваюсь?

— Ты всегда говоришь так, будто знаешь.

— Если я каждый раз буду объявлять: «Газар, понятия не имею, поймает ли мы сегодня что-нибудь или нет», тебе станет легче?

— Зато честно.

Хадар улыбнулся.

— Хорошо. Понятия не имею, поймает ли мы сегодня что-нибудь или нет.

Газар несколько секунд смотрел на него.

— Мне первый вариант больше нравился.

— Я так и думал.

Так и тянулось утро: сеть переходила из рук в руки, корзины понемногу тяжелели, Торн спорил с Греном, а Хадар время от времени поправлял сына — то слишком туго затянута петля, то челнок пошёл не с той стороны. Ничего важного не происходило.

Именно поэтому годы спустя Газар помнил всё удивительно ясно.

Мокрую верёвку в ладонях. Блеск воды. Запах рыбы. Смех Торна. Ворчание Грена. Тёплую тяжёлую ладонь отца, однажды легшую ему на плечо, когда очередная ячейка наконец получилась как надо.

Обычное утро.

Одно из тех, которым не придаёшь значения, пока не узнаешь, что другого такого уже не будет.

* * *

Ближе к полудню у переправы стало шумнее. С Ардосской стороны подошла повозка с бочками, и возница сразу затеял спор с перевозчиком, который потребовал отдельную плату за двух лошадей.

— Лошадь — часть повозки! — кричал возница.

— Пока идёт по дороге — часть. В моей лодке у каждой четыре ноги и свой вес.

— Тогда и колёса считай отдельно!

— Если начнут есть овёс — посчитаю.

Толпа вокруг засмеялась. Газар, стоявший рядом с отцом, тоже улыбнулся. Торн сидел на перевернутой лодке и чистил рыбу. Грен пересчитывал монеты.

— Опять считаешь? — спросил Торн.

— Проверяю, не стало ли больше.

— И как?

— Пока нет.

— Значит, плохо считаешь.

— Зато у меня есть что считать.

— А у меня есть рыба.

— Рыба сегодня есть, завтра сгниёт.

— А твои деньги сегодня есть, вечером в «Тихом причале» сгниют вместе с тобой.

Грен широко улыбнулся.

— Значит, всё на своём месте.

Хадар хотел что-то сказать, но вдруг поднял голову. На другом берегу Ярви разом взлетела стая птиц. Не несколько испуганных воробьёв. Целая чёрная масса поднялась над деревьями и, не сделав привычного круга, устремилась на восток.

— Странно, — сказал он.

Газар посмотрел туда же.

— Что?

Хадар не ответил. Ветер стих. Не постепенно. Просто перестал. Затих шум листьев. Исчез плеск у камышей. Даже люди, ещё не понимая причины, начали говорить тише.

Торн положил нож на колено.

— Вот теперь мне это не нравится.

Грен усмехнулся, но уже без прежней уверенности.

— Тебе много чего не нравится.

— Нет. Послушай.

Из-под земли пришёл гул. Низкий, протяжный, чужой. Он был похож на далёкий гром, но гром не мог идти из глубины гор и заставлять воду в ведре дрожать мелкими кругами. Лодка качнулась. Камешки у берега подпрыгнули. Лошадь у повозки заржала и натянула поводья.

Газар схватился за край лодки.

— Отец...

Второй толчок оказался сильнее. Где-то в деревне послышался звон разбитой посуды. Люди обернулись к Ривенхайму. Над горами появилась золотая линия. Сначала тонкая, едва заметная. Затем она вспыхнула так ярко, что многие закрыли глаза руками.

Линия стала шире. Небо вокруг неё потемнело. Казалось, невидимый клинок рассёк голубой свод, а теперь кто-то медленно раздвигает края разреза.

— Боги нас хранят... — прошептала женщина у причала.

Торн поднялся.

— Это не буря.

— Торн, сядь, — сказал Хадар.

— Ты видишь то же, что и я!

— Вижу. И именно поэтому сядь.

Газар не мог отвести взгляд. В центре золотого света возникла тьма — не обычная ночная темнота, а глубокая пустота, в которой мерцали далёкие точки, похожие на звёзды. На мгновение часть этих точек заслонила огромная движущаяся тень: Газар успел различить изгиб крыла, длинную шею и хвост, прежде чем силуэт снова исчез в сиянии. Торн увидел его тоже. Золотой разлом раскрылся полностью. И мир изменился. Невидимая волна вырвалась из прохода и прокатилась над землёй.

Она не была ветром, хотя лодки сорвало с привязей. Не была землетрясением, хотя берег дрогнул. Воздух будто стал плотнее и тяжелее, а затем ударил сразу со всех сторон. Газара сбило с ног. Сети взметнулись в воздух. Корзины покатались по песку. Хадар успел схватить сына за рубаху и потянуть к перевёрнутой лодке.

— Держись!

— Отец!

— Я здесь!

Неподалёку Торн лежал на спине. Он поднял голову к разлому. Огромная тень снова прошла за золотым светом, и на лице рыбака страх вытеснил всё остальное. В его взгляде уже не было ни неба, ни деревни — только образ существа, которое вот-вот вырвется наружу.

— Монструс! — крикнул он.

Слово разнеслось над берегом. Обычное слово на языке тайкури. Слово, которое раньше означало всего лишь «чудовище». И мир впервые ответил на него. Торн вздрогнул.

— Что...

Его рука судорожно согнулась. Послышался хруст. Газар сначала подумал, что рыбак сломал пальцы при падении. Потом увидел, как они продолжают меняться. Кости вытягивались. Ногти темнели и становились длиннее.

По коже поползли серые чешуйчатые пятна. Торн закричал.

— Хадар!

Отец Газара замер.

— Не двигайся!

— Как?! Что со мной происходит?!

Торн попытался подняться, но снова упал на колени. Его спина выгнулась. По плечам прошла дрожь. Грен, стоявший в нескольких шагах, побледнел. Он смотрел не на разлом, а на Торна — на вытянутые пальцы, проступающую чешую и лицо, которое ещё оставалось человеческим.

— Торн... ты...

Он попятился.

— Ты становишься монструс.

Хадар резко повернулся к нему.

— Замолчи!

Грен не понял.

— Что?

Только теперь Грен опустил взгляд на собственные руки. На короткий миг страх подменил их в его сознании руками Торна — такими же вытянутыми, чужими, заканчивающимися когтями. Образ оказался слишком ясным, а произнесённая им точная форма всё ещё звучала в памяти.

Его тело дёрнулось. Грен ахнул и схватился за живот.

— Нет...

Плечи вывернуло назад. Руки стали удлиняться, суставы затрещали. Он посмотрел на собственные пальцы.

— Я не хочу... я не это имел в виду!

Никто не мог ему помочь. На берегу началась паника. Люди кричали, звали детей, молились старым богам, проклинали горы и небо. Никто ещё не понимал, почему одно произнесённое слово способно изменить плоть, а другое остаётся просто звуком. Торн поднялся. На нём всё ещё была его одежда. Лицо оставалось узнаваемым, хотя челюсть уже вытянулась, а жёлтые глаза смотрели из-под тяжёлых надбровных дуг.

— Торн, — медленно сказал Хадар. — Слышишь меня?

Чудовище остановилось. Губы дёрнулись.

— По...моги...

Газар услышал это. В голосе ещё оставался Торн. И от этого стало страшнее. Хадар сделал шаг к нему.

— Не двигайся. Мы что-нибудь придумаем.

Торн застонал, схватившись за голову. Потом резко вскинул её. В глазах уже не было узнавания. Он бросился вперёд.

— Газар, за лодку!

Хадар оттолкнул сына и схватил весло. Первый удар пришёлся Торну в плечо.

— Торн! Очнись!

Чудовище отшатнулось. Хадар ударил снова. Весло треснуло о чешую. Торн взревел и схватил его за край.

— Папа!

— Не выходи!

Хадар попытался вырвать весло. Торн дёрнул сильнее. Рыбак потерял равновесие. Газар видел через щель под лодкой, как отец отступил на шаг. Как Торн поднял руку.

Как когти вошли в грудь. Хадар застыл. Кровь мгновенно пропитала рубашку.

— Папа...

Хадар посмотрел на сына. Он уже почти не держался на ногах.

— Беги, Газар.

— Нет!

— Беги!

Торн рванул лапу назад. Хадар рухнул в воду. Газар вскочил, забыв приказ. И в этот миг над Богфором раздался рёв. Он был настолько громким, что задрожала река.

Из золотого разлома вырвалось существо, какого Газар не видел даже на самых страшных рисунках в старых книгах. Огромное чёрное тело пронеслось над деревней, от одного взмаха кожистых крыльев сорвало солому с крыш. Чешуя дымилась от жара, когти были длиннее человеческих рук, а глаза горели красным, словно в глубине черепа пылала печь. У этого зверя не было имени — по крайней мере, ни Газар, ни кто-либо в Богфоре его не знал.

Тень, которую они видели в разломе, обрела тело — тяжёлое, настоящее и куда страшнее смутного силуэта. Существо повернуло голову к деревне, но не напало сразу. Оно оглянулось назад. И тогда Газар понял: чудовище не пришло сюда охотиться. Оно бежало. Следом из золотого разлома появилась человеческая фигура. Тёмный плащ с выжженными рунами бился за спиной. На подошвах сапог вспыхивали серебристые знаки, и каждый раз, когда нога касалась пустоты, незнакомец отталкивался от воздуха, словно от невидимой ступени. В его руке был длинный меч, покрытый старым руническим письмом.

Гирион. Газар ещё не знал его имени и не знал слова «дракон». Но увидел главное: огромное крылатое чудовище боялось человека, который пришёл за ним.

* * *

Гирион почувствовал неладное в тот самый миг, когда прошёл через портал. Магия почти исчезла — не полностью, иначе переход не удержался бы, а руны на сапогах погасли бы ещё в воздухе. Но привычный поток, окружавший его всю жизнь, здесь едва ощущался. Каждый шаг по пустоте требовал усилий, защитные знаки плаща отзывались с опозданием, и даже меч будто стал тяжелее.

Он посмотрел на дракона, летевшего впереди.

— Так вот что ты задумал.

Чудовище оглянулось. В красном глазу мелькнуло торжество.

— Умно, — признал Гирион. — Но недостаточно.

Теперь замысел стал ясен: дракон выбрал мир, где преследователь лишится привычной силы, а сам получит время оправиться. Он ошибся лишь в одном — Гирион не собирался позволять ему обратить эту передышку против беззащитных людей.

Дракон сложил крылья и пошёл вниз. Только теперь Гирион увидел деревню: маленькие дома у реки, людей на берегу и двух уже искажённых существ, метавшихся среди них. Он не успел задуматься, что с ними произошло. Дракон раскрыл пасть.

— Нет!

Гирион рванулся вперёд. Руны сапог вспыхнули, но пламя пришло раньше. Огненная река прошла над крышами Богфора; сухая солома занялась мгновенно, затрещали деревянные стены, люди бросились к воде.

— Проклятье!

Он настиг зверя у склона и ударил мечом по боку. Клинок высек сноп искр, не пробив чешую. Второй удар пришёлся в основание крыла. Дракон качнулся, развернулся к нему и взмахнул хвостом, но Гирион уже оттолкнулся от воздуха и ушёл выше.

— Да. На меня смотри.

Дракон последовал, удаляясь от деревни. Именно этого Гирион и добивался. В родном мире он мог бы усилить скорость, ударить огнём или светом, однако здесь каждое обращение к силе стоило слишком дорого. Оставались опыт, меч и привычка выживать там, где другие давно бы отступили.

Гирион следил не только за когтями и пастью. Он запоминал ритм взмахов, задержку перед огненным выдохом, движение плеча перед ударом хвоста. Силы не хватало, поэтому каждое уклонение должно было стоять меньше, чем новая атака.

Чудовище резко ускорилось. Услышав свист воздуха за спиной, Гирион нырнул под чёрную пасть и рубанул снизу, туда, где чешуя была мельче. Меч вошёл неглубоко, по коже потекла кровь. Дракон взревел и ударил крылом. Воздух вышибло из лёгких; Гирион полетел вниз, перевернулся и в последний миг поставил ногу на пустоту. Серебристая руна вспыхнула, принимая его вес.

Он успел выровняться, прежде чем пасть снова раскрылась.

— Конечно.

Огонь накрыл его целиком. Гирион вскинул плащ, и руны на ткани загорелись золотом. Защита удержала пламя, но жар всё равно обжёг кожу и перехватил дыхание. В этом мире знаки не могли восполнять силу из окружающего потока: одна руна погасла, за ней вторая, третья задрожала.

Когда огонь оборвался, Гирион сбросил дымящийся край плаща и бросился вперёд. Первый удар скользнул возле глаза, второй расколол чешуйку. Клинок вошёл в открывшееся место, чёрная кровь брызнула на рукав. Дракон рванулся вверх, увлекая его за рукоятью, но Гирион выдернул меч и оттолкнулся от шеи. Руны сапог вспыхнули слишком ярко, и ноги сразу налились тяжестью.

Когти распороли край плаща и задели плечо. Боль обожгла руку, однако Гирион успел рубануть по лапе и заставил зверя отступить. Несколько мгновений они кружили друг напротив друга. Внизу горел Богфор. Дракон повернул голову к деревне.

— Даже не думай.

Гирион атаковал первым, отсекая ему путь. Меч несколько раз ударил по спине; руны на клинке вспыхнули, но одна из них начала тускнеть. Дракон внезапно сложил крыло. Гирион провалился вниз, а чудовище перевернулось и ударило его лбом. Он успел выставить ноги, но сила удара швырнула его к скале. Камень за спиной треснул, кровь потекла с виска.

Меч звякнул о выступ. Подняв его, Гирион увидел на клинке тонкую трещину.

— Только не сейчас.

Он несколько раз сжал рукоять, проверяя, не повело ли сталь. Меч ещё слушался, но теперь любой прямой удар мог стать последним. Приходилось искать прежние раны и не позволять дракону навязать силовой обмен.

Старый меч служил ему много лет, пережил войну, десятки схваток и слишком много драконьего огня. Но даже у хорошей стали был предел. Гирион поднялся навстречу новой атаке, ушёл от первой лапы и рубанул в уже повреждённое место на шее. Клинок вошёл глубже. Дракон всем телом врезался в склон, и каменная стена разлетелась.

Взмах крыльев поднял настоящую бурю. Камни, обломки крыш и куски дерева взметнулись над равниной; несколько домов в Богфоре развалились от одного порыва. Перевернутую лодку, под которой прятался Газар, подняло и швырнуло в сторону. Мальчик успел закрыть голову руками, прежде чем лодка рухнула сверху и сознание погасло.

Гирион этого не видел. Он уже понимал, что бой затягивается опасно: дракон был ранен, но недостаточно, а его собственные силы уходили с каждой минутой. Новый поток огня повернул вслед за ним. Плащ выдержал последний раз, вспыхнул по краю и остался гореть на камнях.

Дракон рухнул на широкий уступ. Когти раскололи скалу, заставив Гириона перекачаться. Он вскочил и ударил по лапе, но рывок зверя вырвал рукоять из пальцев. Меч отлетел на несколько шагов. Пасть повернулась к безоружному противнику.

— Не сегодня.

Гирион вскинул ладонь и собрал внимание на воздухе перед собой, удерживая точный образ направленного удара.

— Ветрус!

Сила отозвалась неохотно. Воздух собрался в короткий порыв и ударил дракона в морду — намного слабее, чем должен был, но этого хватило. Голова зверя дёрнулась, и пламя прошло мимо, раскалив скалу. Гирион бросился к мечу, пригнулся под хвостом и успел поднять клинок прежде, чем дракон оказался рядом.

Первый удар когтя удлинил трещину. Второй отозвался звоном, третий почти лишил руку чувств. Ещё одно такое столкновение — и меч сломается. Дракон тоже это понял: в его движениях появилась уверенность. Гирион тяжело дышал; кровь стекала по щеке, руны сапог мерцали едва заметно.

Зверь теснил его к краю уступа, уже не опасаясь ответного удара. Гирион отступал настолько, чтобы сохранить равновесие, и впервые за весь бой поймал себя на мысли, что времени для нового плана почти не осталось.

На мгновение перед глазами возник Бран — не последняя битва и не смерть, а обычный вечер у костра. Друг точил меч и смеялся над его привычкой справляться со всем самому. «Когда-нибудь, Гирион, ты встретишь тварь, которую один не одолеешь». Тогда Гирион ответил, что такого дня не будет.

Теперь он невесело усмехнулся.

— Похоже, ты дождался.

Дракон рванулся вперёд. Коготь задел плечо и бросил Гириона на камни. Он опустился на одно колено, опираясь на треснувший меч, и посмотрел на возвышавшееся над ним чудовище.

— Я не справлюсь один.

Признать это было неприятно, но правду он ценил выше гордости. Гирион вонзил меч в камень и достал из-под одежды два кристалла. Один сопровождал его многие годы, поддерживая жизнь и замедляя старение. Второй был меньше — последний кристалл призыва, созданный старейшинами Ордена. Сам Гирион не умел заключать подобную силу в камень и знал, что другого у него не будет.

Прозрачный кристалл тускло светился в ладони.

— Ладно, друг. Похоже, всё-таки понадобился.

Пока дракон приближался, Гирион полоснул ладонь о лезвие и быстро начертил кровью круг. Одна руна. Вторая. Знак пути. Знак связи. Кристалл засветился ярче. Дракон взревел, но Гирион уже замкнул последний знак.

— Призыв!

Кристалл вспыхнул и растворился в руке. Над кругом появился золотой ореол. Небольшой проход раскрылся в воздухе — слишком маленький для человека. В центре золотого кольца показалась чёрная пустота с далёкими звёздами. Из неё вылетел феникс. Лир сделал круг над скалами и опустился Гириону на плечо.

Его перья переливались золотым и синим светом. Гирион улыбнулся, несмотря на кровь.

— Рад тебя видеть.

Лир щёлкнул клювом.

— Да, знаю. Опять в последний момент.

Феникс больно ткнул его в висок.

— И это тоже заслужил.

Лир повернулся к дракону. Тот остановился. Гирион заметил это и тихо усмехнулся.

— А вот он тебе, похоже, совсем не рад.

Дракон взревел. Лир ответил резким криком и расправил крылья. Синее пламя вспыхнуло вокруг него и потекло по мечу. Руны на старом клинке загорелись одна за другой. Трещина осталась.

Меч не стал новым. Лир лишь заставил его выдержать ещё немного. Гирион поднял оружие.

— Мне нужен один хороший удар.

Феникс тихо отозвался.

— Да. Лучше бы хватило.

Дракон атаковал первым. Гирион оттолкнулся от скалы; руны сапог вспыхнули, а Лир сорвался с плеча и ударил крыльями, подхватывая друга потоком горячего воздуха. Пасть сомкнулась позади. Гирион пронёсся вдоль шеи и рубанул. Синий огонь вспыхнул на чешуе, клинок вошёл глубже, чем прежде. Только теперь Гирион понял, насколько ему не хватало привычной поддержки.

Дракон взревел и ударил крылом. Лир изменил поток, уводя Гириона в сторону. Удар прошёл рядом.

— Ещё раз!

Они поднялись, увлекая дракона за собой. Руны сапог уже слабели, ноги наливались тяжестью, но Лир летел рядом и поддерживал Гириона воздухом.

На втором заходе Гирион скользнул вниз вдоль спины зверя. Дракон перевернулся, встречая его когтями. Один рассёк рукав, другой прошёл у лица. Вспышка на сапоге вынесла Гириона к голове, и меч углубил рану возле глаза. Каждый такой рывок отзывался болью в израненном плече.

Лир метнулся перед мордой. Дракон попытался схватить его, но феникс ушёл из-под клыков и ударил синим пламенем в глаз.

Зверь завыл. Теперь он повернулся не к Гириону — к Лиру. Из пасти вырвался огонь.

Феникс взмыл вверх. Пока пламя тянулось следом, Гирион ударил под челюсть, между пластинами. Клинок вошёл, однако по металлу прошёл тяжёлый стон. Он выдернул меч прежде, чем трещина успела разойтись.

— Недостаточно.

Они снова набрали высоту. Дракон следовал за ними, всё тяжелее работая крыльями. Раны ослабили его, но сил у зверя всё ещё оставалось слишком много, а руны Гириона гасли одна за другой.

Повторять прежние атаки больше нельзя. Нужен был один удар — между глаз, где чешуя тоньше. Гирион уже заметил: при атаке дракон прикрывал это место. Значит, знал о слабости.

— Лир!

Феникс повернул голову. Гирион указал мечом вверх, и Лир сразу понял замысел.

Птица сделала широкий круг над драконом, удерживая его взгляд. Гирион поднялся выше на последних силах сапог. Серебряные руны дрожали; одна погасла, за ней другая.

— Давай...

Лир рухнул вниз перед самой мордой. Дракон рванулся следом и вскинул голову. Между глазами открылась тонкая линия.

Гирион отпустил опору.

Ветер ударил в лицо. Он падал, сжимая меч обеими руками. Дракон заметил его и раскрыл пасть.

— Конечно.

Огонь хлынул навстречу. Лир развернулся, и синее пламя окутало Гириона. Защита дрожала, край рубахи загорелся, кожу обжигало даже сквозь свет феникса. Но падение продолжалось.

— Держись, друг!

Лир ответил криком. Синее пламя вспыхнуло ярче, и они пробили огненную завесу. Перед Гирионом возникла голова дракона: красные глаза, чёрная кровь и узкий стык между пластинами.

— Сейчас!

Он вложил в удар всё, что осталось. Меч вошёл между глаз. Чешуя треснула, клинок погрузился глубже, и дракон взвыл.

Трещина побежала по стали. Гирион продолжал давить на рукоять, пока не раздался звон. Клинок сломался, но обломок уже засел глубоко. Дракон потерял равновесие. Гириона отбросило, и Лир потоком воздуха смягчил его падение.

Гирион ударился о склон и едва успел прикрыть голову рукой. Ниже дракон проломил каменный выступ и вместе с обвалом рухнул в глубокую расселину у подножия Ривенхайма. Земля содрогнулась, над склоном поднялась пыль.

Несколько секунд Гирион лежал, пытаясь отдышаться. Лир опустил рядом. От клинка в рукояти осталось меньше половины.

— Не говори ничего.

Лир наклонил голову.

— Я и так знаю, что ты думаешь.

Феникс тихо свистнул.

— Да. Ты был прав.

Гирион поднялся и пошёл к расселине. Дракон лежал среди разбитых камней. Обломок меча торчал между глаз. Гирион осторожно подошёл ближе. Положил ладонь на чёрную чешую.

Сначала ничего. Потом едва заметный толчок. Грудь зверя поднялась. Гирион закрыл глаза.

— Жив.

Лир отозвался тревожным криком.

— Вижу.

Гирион поднял остаток меча.

— А этим я его уже не закончу.

Дракон был тяжело ранен. Возможно, смертельно. Но он всё ещё дышал. Гирион оглядел расселину.

— Нужно удержать его, пока я не найду способ вернуться сюда подготовленным.

Лир посмотрел на него.

— Сможешь?

Феникс расправил крылья. Гирион кивнул.

— Тогда давай.

Лир опустил на голову дракона и запел. Тихая, почти невесомая песня не походила на человеческую музыку, однако Гирион почувствовал, как напряжение оставляет мышцы. Первая слеза феникса упала на чешую и стала прозрачным кристаллом. Следом упали вторая и третья.

Кристаллы росли и соединялись, медленно покрывая голову, шею и тело зверя. Пока они оставались сырыми — бесцветными и хрупкими, — они постепенно поглощали магию, наполнявшую пространство вокруг дракона. Сила, выходившая из его тела, исчезала в камнях и уже не возвращалась; лишённый возможности восстановиться, зверь дышал всё реже.

Пока камни оставались ненасыщенными, они перехватывали магию, просачивавшуюся из тела дракона, и удерживали его в глубоком сне. Это и было печатью. Но однажды кристаллы насытятся — и тогда дракон начнёт возвращать силу.

Кристаллы не различали источников: они медленно поглощали любую магию, наполнявшую пространство вокруг. Когда Гирион наложит руны на вход в расселину, вложенная в печать сила окажется в том же поле, и камни понемногу будут забирать её.

— Значит, времени будет меньше, чем хотелось бы, — тихо сказал он.

Когда Лир закончил песню, дракон почти исчез под прозрачной кристаллической коркой. Его дыхание стало редким. Он не умер: лишённый силы, погрузился в глубокий сон.

Гирион выдохнул.

— Пока хватит.

Лир спустился к нему. Гирион машинально коснулся груди. Там остался только один кристалл. Кристалл долголетия. Кристалл призыва исчез.

Он посмотрел на феникса. Лир смотрел в ответ.

— Похоже, это действительно был последний раз.

Лир резко мотнул головой. Его короткий крик прозвучал почти сердито. Гирион протянул руку. Феникс приблизился и коснулся клювом его пальцев.

— Я не смогу вызвать тебя снова.

Лир прижал крылья и склонил голову. Низкий, едва слышный свист прозвучал уже без протеста.

— Знаю. Мир велик. Может быть, когда-нибудь ещё встретимся без призыва.

Оба понимали, насколько мала эта надежда. Гирион медленно провёл рукой по горячим перьям, запоминая их тепло.

— Спасибо, друг.

Золотой свет начал собираться вокруг феникса. Гирион опустил руку.

— Прощай.

Лир расправил крылья. На мгновение его сияние заполнило всю расселину. Потом феникс исчез. Гирион остался один. Он ещё некоторое время смотрел туда, где стоял Лир.

Затем повернулся к дракону.

— А с тобой мы ещё не закончили.

Работа заняла остаток дня. Гирион обрушил часть скалы, закрыв расселину каменной преградой и оставив лишь узкий вход. Затем начал выводить на камне руны, накладывая на вход вторую печать. В новом мире даже это требовало непривычно много сил. Руки дрожали. Дыхание было тяжёлым.

Но он продолжал. Руна за руной. Когда последний знак замкнулся, по камню прошёл голубоватый свет. Печать на входе встала. Гирион приложил ладонь к холодной поверхности.

Она держалась. Но кристаллы Лира уже медленно поглощали магию, которой печать наполнила расселину. Те же камни, что погружали дракона в сон, понемногу ослабляли запечатанный вход. Со временем каменная преграда начнёт разрушаться. Сколько у него есть? Год?

Десять? Больше? Гирион не знал. Однажды кристаллы насытятся, а руны на входе лишатся силы. Тогда ничто не удержит дракона. Он посмотрел на обломок меча. Старый клинок не выдержал. Чтобы вернуться и закончить бой, понадобится другое оружие — из металла, способного выдержать такую магию и не разрушиться после нескольких ударов. Звёздного металла, редкого даже в его родном мире.

Гирион не знал, существует ли звёздный металл в Зэре. Но искать придётся. Он должен успеть выковать новый клинок, пока обе печати ещё держатся. Он вышел из ущелья уже на закате. Небо снова было голубым, словно ничего не произошло. Только внизу горел Богфор.

Над деревней стояли чёрные столбы дыма. Где-то кричали люди. По дороге двигались маленькие фигуры — кто-то нёс раненого, кто-то ребёнка, кто-то просто шёл, не понимая куда. Гирион остановился. Этот мир был ему чужим. Он не знал названия реки. Не знал, какие короли правят этими землями.

Не знал ни одного человека внизу. Можно было искать путь домой. Но старое правило Ордена всплыло в памяти раньше, чем он успел всерьёз подумать об этом. Хранитель обязан защищать мир, в котором оказался, если миру угрожает беда. Даже если этот мир не его.

Гирион посмотрел на горящую деревню.

— Значит, придётся остаться.

Он убрал обломок меча и пошёл вниз.

* * *

Когда Газар пришёл в себя, дым уже застилал берег. Он выбрался из-под разбитой лодки и сначала не узнал Богфор. Там, где ещё утром стояли дома, лежали горящие балки. Причал был наполовину разрушен. Вода у берега была мутной от пепла и крови. Люди ходили среди развалин. Некоторые кричали.

Другие молчали. Это молчание пугало сильнее криков. Газар поднялся.

— Отец?

Никто не ответил. Он пошёл к воде. Торн лежал на боку. В нём ещё можно было узнать человека, который утром спорил с Греном и смеялся над сетями. Но половина тела была покрыта чешуёй, пальцы заканчивались когтями. Чуть дальше лежал Грен — изломанный, уже почти не похожий на прежнего толстяка в смешной шапке.

Газар отвёл взгляд. Отец был там же, где упал. Вода осторожно касалась его сапога и отступала. Газар опустил на колени.

— Отец.

Он положил ладонь ему на плечо.

— Вставай.

Хадар не двигался.

— Всё уже закончилось.

Газар сам слышал, насколько неправдоподобно это прозвучало. Ничего не закончилось. Он потряс отца.

— Ты сказал мне бежать. Я убежал.

Голос сорвался.

— Я сделал, как ты сказал.

Ответа не было. Газар сидел рядом, не зная, сколько прошло времени. Солнце опускалось к горам. Золотой разлом давно исчез. Небо снова стало обычным.

И от этого было почти страшнее. Ещё утром отец говорил, что человеку хватает загадок возле собственного дома. Теперь Газар знал, насколько тот был прав. Только эти загадки оказались совсем не такими, какими они с отцом их представляли. Одно слово изменило Торна.

То же слово — Грена. Из пустоты появилось огромное крылатое чудовище, которому в Богфоре никто не знал названия. Следом пришёл человек, способный сражаться с ним в небе. Всё, во что Газар верил утром, оказалось слишком маленьким для нового мира.

Он должен был думать только об отце. И думал. Боль была такой сильной, что временами становилось трудно дышать. Но рядом с ней появлялось другое чувство. Любопытство.

Сначала едва заметное. Потом всё настойчивее. Почему? Почему слово сработало? Почему именно сейчас? Что было за золотым разломом? Кто был человек с мечом? Откуда у него такая сила? И можно ли этому научиться? Газар посмотрел на отца.

Ещё утром Хадар был самым сильным человеком в его маленьком мире. Он умел управлять лодкой в бурю, мог один вытянуть тяжёлую сеть и всегда знал, что делать. А потом появилось существо сильнее. И этого оказалось достаточно. Газар сжал пальцы.

Он был ребёнком и пока не умел назвать то, что зарождалось внутри. Но понял одно. Не зная — значит оставаться беспомощным. Он поднял глаза к Ривенхайму.

— Я узнаю, — тихо сказал он.

Ветер поднял пепел с земли.

— Всё узнаю.

Он ещё не знал, куда приведёт его это обещание. В тот вечер оно родилось из боли, страха снова оказаться беспомощным и желания понять.

Над Богфором медленно опускалась ночь. Люди говорили тихо, опасаясь собственных слов, хотя ещё не знали новых законов мира и не понимали, что именно произошло. Так началась Эпоха Тишины.

Глава 1: «Тени прошлого»

Пятнадцать лет оказалось достаточно, чтобы Зэра научилась жить со страхом — не победить его, к этому люди даже не стремились, а просто жить рядом.

По утрам крестьяне всё так же выходили в поля, торговцы поднимали ставни лавок, рыбаки сталкивали лодки в воду. На дорогах ругались возницы, на рынках спорили из-за цены на мясо, в трактирах к вечеру становилось тесно и шумно. Жизнь, упрямая и равнодушная к человеческим бедам, очень быстро потребовала продолжения.

Но теперь у каждого разговора была невидимая граница.

Стоило кому-нибудь в ярости выкрикнуть непривычное старое слово — и ближайшие люди невольно замолкали. Кто-то отступал. Кто-то хватался за амулет или знак своего бога. Несколько ударов сердца все ждали.

Чаще всего не происходило ничего, и через несколько мгновений разговор возвращался к прежнему руслу.

Кто-нибудь неловко смеялся, а виновник старался сделать вид, что сам не испугался.

Но иногда мир всё-таки отвечал. Такие случаи люди запоминали надолго.

Тайкури остался прежним языком, и вырвать из него опасные слова оказалось невозможно. Поэтому людей учили другому: не повторять незнакомых выражений из старых песен и следить за языком в минуты страха или ярости. Большинство слов оставались всего лишь словами, а почему некоторые обретали силу — никто до конца не понимал.

Постепенно у страха появились собственные привычки и правила, а у новой эпохи — имя: Эпоха Тишины.

Старые культы пережили катастрофу, но прежней уверенности уже не вернули. Люди по-прежнему ставили свечи знакомым богам, однако всё чаще искали там, где им обещали хотя бы порядок. Так усилилась Церковь Тишины, учившая простому: владей собой, не бросайся словами и не призывай беду туда, где её ещё нет.

В Тавендоре её влияние оставалось слабее, чем в других королевствах: здесь терпели небольшие храмы и сборщиков свидетельств, но не позволяли Церкви диктовать законы. Однако и за этими храмовыми дверями занимались не только проповедями — там собирали сведения.

В церковных архивах год за годом копились донесения о превращениях, странных смертях и случаях проклятия слова. Иногда в записях утверждалось, что человек сумел направить действие опасного слова намеренно, но такие свидетельства были редки и почти всегда противоречили друг другу. Одно и то же слово могло десятки раз остаться обычным звуком, а потом в другой деревне искалечить человека. Именно поэтому Церкви были нужны те, кто умел слушать очевидцев и замечать подробности.

В старых книгах встречалось и другое слово — «магия». Его употребляли авторы давно исчезнувших религиозных учений, когда писали о чудесах богов, скрытой силе мира, гаданиях и запретных обрядах. Тем же словом охотно прикрывались ярмарочные прорицатели и шарлатаны, обещавшие снять порчу, отыскать пропажу или увидеть будущее. Церковь почти не пользовалась им в серьёзных донесениях: слишком многое за века успели назвать магией, чтобы слово само по себе хоть что-нибудь объясняло.

Газар встречал его не раз и давно перестал задерживать на нём взгляд. Если одним словом можно было назвать и древнее чудо, и ловкость фокусника, и выдумку пьяного рассказчика, для исследователя от него было мало пользы.

Газару такая работа нравилась.

В двадцать пять он уже мало напоминал десятилетнего мальчика с берега Ярви. Он вырос высоким и жилистым, волосы носил до плеч и обычно перехватывал кожаным шнурком, когда они начинали лезть в глаза. На руках осталось несколько шрамов — не память о великих сра-

жениях, а следы дорог, тяжёлой работы и тех случаев, когда опрос очевидцев внезапно переставал быть разговором.

Он жил в Ривенхолде, у подножия Ривенхайма, восточнее Арасина.

Город встречал утро дымом, который тянулся из труб серых каменных домов, смешивался с влажным горным воздухом и стлался между крышами.

Где-то уже звенел молот, на площади скрипели колёса первой повозки, у хлебной лавки ругались из-за очереди. Ветер с гор пробирался под одежду даже летом и приносил запах мокрого камня.

Газар шёл через рынок в простой серой рясе. На груди поблёскивал небольшой знак Церкви — круг, разделённый одной вертикальной чертой, словно палец прижатый к губам призывая к молчанию. За плечом висела старая кожаная сумка. Чернила, перья, несколько листов, записной свиток и кусок сушёной рыбы — обычное снаряжение человека, которому предстояло провести день, расспрашивая других людей о том, чего они сами предпочли бы не вспоминать.

У кузницы Талвина уже спорили.

Газар услышал старика раньше, чем увидел.

— Если хочешь хороший нож за три медяка, купи три медяка и любуйся ими! Железа я тебе за них не дам.

Кто-то раздражённо ответил, но слова утонули в звоне молота.

Газар невольно улыбнулся.

Значит, Талвин сегодня был в хорошем настроении.

В плохом он вообще не торговался.

Талвин заметил серую рясу, но голову поднял не сразу.

— Если пришёл напомнить мне о вечерней службе, ступай дальше, — сказал он. — Я старый. Мне разрешается забывать то, на что я всё равно не собирался идти.

Газар усмехнулся.

— Доброе утро и тебе.

— Утро было добрым, пока ты не встал перед светом.

— Я могу отойти.

— Тогда разговаривать придётся громче, а твоя Церковь этого не любит.

Газар прислонился плечом к деревянному столбу навеса.

— Ты каждый раз говоришь «твоя Церковь», будто сам никогда не ставил свечу в храме.

Талвин проверил пальцем лезвие ножа.

— Свечу ставил. Рясу не надевал. Между этими вещами есть разница.

— Огромная.

— Вот и славно. Значит, ещё не совсем оглох от молитв.

Газар подождал, пока старик сделает ещё несколько ударов.

— Что слышно?

Талвин фыркнул.

— А вот теперь узнаю тебя. Ни «как здоровье», ни «не ломит ли спину». Сразу: что слышно?

— Я видел тебя три дня назад. Спина у тебя тогда уже болела.

— Три дня — это тебе не три удара молотом. За три дня и спину прихватит, и дождь крышу найдёт, и человек успеет нажить себе новую беду.

— Лицо у тебя, кажется, осталось прежним.

Талвин остановил молоток и посмотрел на него чуть внимательнее.

— Я смотрю, ряса тебе язык не укоротила.

— Пока нет.

— И слава богам.

Он отложил нож и вытер руки о фартук.

— Ладно. Было кое-что. Вчера с нижней переправы пришёл парень. Молодой, лет двадцати, не больше. Тащил сеть вместе с братом. Сеть зацепилась за корягу. Он разозлился и крикнул старое опасное слово. «Силус».

Газар перестал улыбаться.

— Точно это слово?

— Я сам там не стоял. Но брат его клянётся, что точно.

— Что произошло?

Талвин поднял свои узловатые руки, словно показывая невидимый предмет.

— Сначала ничего. А потом парень потянул сеть. Говорят, вырвал корягу вместе с корнями. И чуть следом не вырвал себе руки. Кости не выдержали.

Газар уже доставал из сумки небольшой лист.

— Он жив?

— Жив. Если это можно так назвать. Лекарь обе руки сложил и перевязал. Будут ли работать — никто не знает.

— Что он чувствовал перед тем, как сказал слово? Только злость?

Талвин пожал плечами.

— Вот это спроси у него, а не у меня. Но его брат говорил, что они два часа пытались освободить сеть. Значит, злости накопить успел.

Газар записал несколько строк.

— Имя?

— Керн. Дом у старой мельницы.

— Я отправлю к нему лекаря и ещё одного служителя. Спасибо.

Талвин снова взялся за нож.

— Не благодарите. Вы всё равно потом придёте и будете спрашивать ещё раз, только уже втроём и с печатями.

— Если я хорошо запишу, его не будут расспрашивать трижды.

— Тогда пиши очень хорошо.

Газар уже собирался убрать перо, но Талвин неожиданно сказал:

— И ещё кое-что. Мира утром присылала мальчишку к храму. Какой-то человек заходил к ней ещё затемно — перепуганный, твердил про тень у старого моста. Ушёл прежде, чем за ним пришли. Если будешь в «Клыке», спроси.

По голосу старика Газар понял: вот ради этого тот и позволил разговору тянуться.

— Что?

Талвин посмотрел на проходящих мимо людей и только потом наклонился чуть ближе.

— Один охотник вернулся с северных склонов. Рагн. Знаешь такого?

— Слышал имя.

— Он вчера половину вечера сидел в «Волчьем Клыке» и рассказывал, что нашёл место, куда зверьё не подходит.

— Какое место?

— Северные скалы. Точнее, не сказал. Говорил, птицы там не садятся, даже следов почти нет. А на одном камне — чёрная гладкая полоса, будто огонь расплавил сам камень.

Газар не стал записывать.

Талвин заметил.

— Это уже не для церковной бумаги?

— Пока не знаю, что это вообще такое.

— Вот и я не знаю. Рагн был пьян.

— Сильно?

— Настолько, что сперва рассказывал про чёрный след на камне, а через кружку уже уверял, будто там расплавилась вся скала.

— Значит, к концу вечера должна была расплавиться гора.

— Не успел. Уснул.

Газар улыбнулся, но имя и подробности уже отложились в памяти: Рагн, северные склоны, место, которого избегают животные.

— Он ещё в городе?

— Не видел сегодня. Спроси в «Клыке». Мира должна знать.

Газар убрал лист в сумку.

— Теперь спасибо.

— А теперь я принимаю.

— За что именно?

— За то, что ты наконец спросил про что-нибудь интереснее сломанной руки.

Газар убрал листы и двинулся дальше. Рынок уже окончательно проснулся: над рядами поднимался пар от горячей похлёбки, мальчишка с корзиной хлеба едва не врезался ему в бок, возле сапожника кто-то громко доказывал, что новая подошва разошлась не от старости, а от дурной работы. Всё было обыкновенно — настолько, что рассказ о пустых скалах казался здесь особенно неуместным.

Он успел пройти несколько шагов, когда за спиной окликнул Талвин:

— И ещё, Газар!

Он обернулся.

Талвин снова работал ножом.

— Если полезешь куда не надо — хотя бы не говори потом, что старик тебя послал.

— Ты меня никуда не посылал.

— Вот это запомни особенно хорошо.

* * *

«Волчий клык» стоял там, где Ривенхолд начинал редеть и городская улица незаметно превращалась в дорогу к предгорьям. Газар бывал здесь достаточно часто, чтобы не замечать перекошенной вывески, пока ветер не заставлял деревянную волчью голову жалобно скрипеть над дверью. Постоялый двор был старым ещё до Эпохи Тишины. Его латали, белили, перестиливали крышу, меняли ставни — а он всякий раз через год снова выглядел так, словно пережил небольшую осаду.

После холодного ветра внутри его сразу обдало тяжёлым теплом. Здесь было темнее, чем на улице; дым от очага лениво собирался под потолком, а воздух пах элем, мокрой шерстью, жареным луком и старым деревом. За дальним столом стучали кости. Кто-то смеялся. Кто-то спал, уронив голову на сложенные руки. «Волчий клык» жил своей обычной полуденной жизнью и не собирался замечать ни Церковь, ни тайны Ривенхайма.

Газар ещё не успел выбрать место, когда из-за стойки донёлся знакомый голос:

— Если опять пришёл записывать, сколько мои гости выпили, садись ближе к двери. Мне стыдно перед приличными людьми.

Мира поставила на стойку глиняную кружку.

Она была старше Газара на несколько лет. Тёмные волосы собирала на затылке, а через левую бровь проходил тонкий шрам. Они оба пережили Богфор, но почти никогда не говорили об этом прямо.

— У тебя бывают приличные люди? — спросил Газар.

Мира посмотрела на зал.

— Бывают. Иногда заходят спросить дорогу.

— И сразу уходят?

— Умные — да.

Газар сел у края стойки.

Мира поставила перед ним кружку воды.

— Не смотри так. В рясе я тебе эль не налью.

— Почему?

— Потому что прошлый послушник после двух кружек начал объяснять посетителям, как правильно молчать.

— И чем закончилось?

— Его вынесли.

— Посетители?

— Нет. Я.

Газар взял кружку.

— Тогда вода меня устраивает.

— Что ищешь?

— Рагна.

Мира сразу перестала улыбаться.

— Поздно.

— Ушёл?

— На рассвете. Сказал, что больше в горы не полезет, и лучше месяц будет ночевать в канаве, чем ещё раз увидит то место.

— Он сказал, где оно?

— Не мне.

— А кому?

— Половине зала. Только каждому по-разному.

Газар вздохнул.

— Насколько он был пьян?

— Когда пришёл — не очень. Когда начал рассказывать — уже достаточно.

— Что рассказывал сначала?

Мира вытерла стол тряпкой, и некоторое время молчала, словно решая, стоит ли вообще продолжать.

— Говорил, поднялся к северным скалам. Неглубоко в горы. Хотел обойти старый обвал. Потом заметил, что вокруг стало пусто. Ни птиц, ни звериных следов. Даже насекомых не слышно.

Газар поставил кружку.

— А оплавленный камень?

Мира подняла на него взгляд.

— Уже слышал?

— Талвин.

— Конечно. Старик знает всё раньше меня, хотя из кузницы почти не выходит.

— Что именно видел Рагн?

— Сказал, нашёл на скале чёрную гладкую полосу, будто камень когда-то расплавили.

Трогать не стал. Потом за осыпью что-то сдвинулось, и Рагн побежал.

— За ним гнались?

— Нет.

— Он видел, что оставило этот след?

— Нет. След уже остыл. Но Рагн охотник, а не полный дурак. По крайней мере, трезвый.

Газар задумался.

— И место, где нет животных, было рядом?

— По его словам — да.

Мира опёрлась ладонями о стойку.

— Теперь скажи мне другое. Почему тебя это так интересует?

— Потому что меня для этого и посылают по городу.

— Не ври мне церковными словами.

Газар посмотрел на неё.

Мира выдержала взгляд.

— Когда речь идёт о превращениях, ты достанешь бумагу. Сейчас ты ничего не записываешь.

Он машинально посмотрел на сумку.

— Может, я запоминаю.

— Ты всегда запоминаешь. Но всё равно пишешь.

Несколько мгновений оба молчали.

— Я просто хочу увидеть это место, — сказал Газар наконец.

— Зачем?

— Потому что никто не знает, что там.

— И это для тебя достаточная причина?

— Обычно да.

Мира покачала головой.

— Ты и в Богфоре таким был.

Газар немного удивился.

— Мы почти не разговаривали.

— Зато тебя знали все старики. Помнишь Вейра? Ты однажды полдня ходил за ним по берегу, потому что он не сумел объяснить тебе, отчего после дождей меняется цвет воды. Вечером он жаловался всем, что от тебя легче спрятаться в реке, чем ответить на один вопрос.

На мгновение разговор будто споткнулся о прошлое, которого оба обычно не касались.

Газар отвёл взгляд первым.

— А человек, который был здесь утром? Талвин сказал, ты посылала за церковниками.

Мира поджала губы.

— Дарн. Пришёл ещё до рассвета. Белый как полотно, руки дрожат, всё на дверь оглядывается. Сказал, что у старого моста видел какую-то тень и не может выбросить её из головы. Я велела ему дожидаться ваших, но он ушёл. Сказал, что ему надо пройти и, что потом вернётся.

— Он говорил, что именно его так напугало?

Мира покачала головой.

— Толком — нет. То собака, то человек, то «не знаю что». С утра он сам себе противоречил. Я пыталась усадить его, дать поесть, но он всё ходил от окна к двери. В конце концов, заявил, что ему надо проветрить голову, и ушёл.

— И с тех пор не возвращался?

— Нет.

Газар уже хотел снова спросить о Рагне, когда дверь «Волчьего Клыка» распахнулась вместе с порывом холодного ветра. Пламя ближайшей свечи пригнулось, по полу протянуло запахом мокрой земли.

Мира подняла голову.

Улыбка исчезла с её лица.

— Дарн.

Мужчина остановился на пороге.

Ничего чудовищного в нём не было. Обычный дорожный плащ, заляпанные грязью сапоги, несколько дней небритое лицо. Но выглядел он так, словно с рассвета ни разу не присел. Волосы слиплись у висков, под глазами легли тёмные тени, а пальцы не знали покоя: то сжимались, то тёрли ладонь, то цепляли кожу возле ногтя.

Дарн оглядел зал, потом улицу за спиной и только после этого закрыл дверь.

— Чего смотришь? — буркнул он Мире.

Она медленно положила тряпку на стойку.

— Жду, когда ты наконец зайдёшь.

— Я уже зашёл.

— Ты полминуты стоял в дверях и выпускал тепло.

Дарн бросил взгляд назад, будто проверяя, действительно ли запер дверь.

— Так лучше?

— Намного.

Он подошёл к стойке и только теперь заметил серую рясу Газара. На лице мелькнула досада.

— А это ещё кто?

— Тот, за кем ты утром сам просил послать.

— Я не просил.

Мира подняла бровь.

— Нет?

— Я спросил, есть ли кто-нибудь из Церквы поблизости.

— Ты сказал: «Мира, ради всех богов, найди кого-нибудь из церковных, пока я не рехнулся».

Дарн поморщился и провёл ладонью по лицу.

— Я был не в себе.

— Вот наконец мы с тобой в чём-то согласны.

Обычно Дарн, похоже, ответил бы. Сейчас лишь устало махнул рукой.

— Налей мне.

— Воды.

— Я похож на лошадь?

— Сегодня лошадь выглядела бы лучше.

На мгновение уголок его рта дрогнул. Почти улыбка. Потом Дарн снова покосился на окно, и она исчезла.

Мира поставила перед ним воду.

— Сядь.

— Я и стоя могу.

— С утра можешь. И с утра же у тебя руки трясутся.

Дарн посмотрел на собственные пальцы, словно только теперь заметил дрожь, и резко сжал их в кулак.

— Холодно.

— В зале жарко.

— Тогда отстань.

Он всё-таки сел.

Газар не стал доставать бумагу. Дарн заметил бы это движение и, скорее всего, снова ушёл бы.

— Мира сказала, возле старого моста что-то случилось.

— Ничего там не случилось.

— Хорошо.

Дарн поднял голову.

— Что — хорошо?

— Я говорю: ничего не случилось.

— Я услышал.

— И всё?

— А что ещё?

Несколько мгновений Дарн смотрел на него с явным недоверием.

— Ты же из Церкви.

— И что с того?

— И не будешь спрашивать?

— Ты только что сказал, что спрашивать не о чем.

Дарн раздражённо выдохнул.

Мира подвинула кружку ближе.

— Пей.

Дарн сделал несколько больших глотков. Вода плеснула на подбородок; он вытер её рукавом и некоторое время смотрел в кружку.

— Там была какая-то дрянь.

Газар не пошевелился.

— Где?

— За мостом. Там кусты начинаются.

— Ты шёл один?

— А какая разница?

— Никакой. Просто спрашиваю.

— Один.

С улицы донёсся грохот колёс по камню. Дарн вздрогнул так резко, что кружка стукнула о стол. Вода выплеснулась на его пальцы.

Он быстро обхватил сосуд обеими руками, будто надеялся скрыть дрожь.

— Сначала я решил, что собака, — продолжил Дарн. — Или волк. Темно было.

— А потом?

— Потом оно встало.

Газар нахмурился.

— На задние лапы?

— Не знаю.

— Ты сказал «встало».

Кулак Дарна с глухим стуком опустился на стол. В кружке плеснула вода.

— Я знаю, что сказал!

За соседним столом оборвался разговор.

Дарн поймал несколько чужих взглядов и на миг замер.

— Чего уставились? — бросил он уже тише.

Посетители отвернулись.

Дарн разжал кулак и провёл ладонью по столу, размазывая пролитую воду.

— Не знаю я, как оно стояло. Может, и раньше на двух ногах. Я увидел только силуэт.

— Хорошо.

— Хватит говорить «хорошо».

— Тогда не буду.

Дарн покосился на него, словно пытался понять, издевается тот или нет.

— Глаза видел? — спросил Газар после паузы.

Пальцы Дарна замерли.

— Видел.

— Какие?

— Обычные.

— Цвет?

— Не помню.

— Большие?

— Да какая разница?!

Он снова повысил голос, но теперь лишь резко отодвинул кружку. Глина скребнула по столу, вода перелилась через край.

— Почему всем нужны эти проклятые глаза? Какая разница, какого они были цвета?

— Мне никакая.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Газар чуть наклонился вперёд.

— Потому что тебе есть.

Дарн замолчал.

Мира перестала протирать стойку.

— Что было не так с глазами? — спросил Газар.

Дарн долго смотрел на разлитую воду. Когда заговорил, злости в голосе почти не осталось.

— Оно понимало, что я его вижу.

За очагом треснуло полено.

— Звери тоже понимают, когда на них смотрят, — осторожно сказал Газар.

— Не так.

Дарн поднял голову.

— Я знаю, как смотрит волк. Знаю, как собака смотрит. А это... оно будто ждало, что я сделаю.

Он потёр ладонями лицо.

— Я весь день его вижу.

Мира нахмурилась.

— Что значит — видишь?

— Вот то и значит.

Дарн постучал двумя пальцами по виску.

— Закрываю глаза — оно там. Открываю — всё равно помню. Кусты. Мост. Эти глаза.

— Утром ты этого не говорил.

— Потому что утром я ещё надеялся забыть!

Последнее слово разнеслось по залу. Несколько человек снова обернулись.

Дарн ссутулился.

— Потом пошёл домой. Не смог сидеть. Пошёл на рынок. Потом к реке. Потом опять к мосту.

Газар удивлённо поднял брови.

— Ты вернулся?

— До поворота.

— И?

Дарн коротко, зло усмехнулся.

— И развернулся.

Он посмотрел в кружку.

— Вот такой я храбрец.

Мира опёрлась ладонью о стойку.

— Дарн...

— Не надо.

— Я ничего не собиралась говорить.

— Именно. Все сегодня ничего не собираются говорить.

Он резко поднялся. Стул скрипнул по полу.

— Я здоровый мужик. У меня нож был. Я с кабаном однажды нос к носу столкнулся и не побежал. А тут увидел какую-то дрянь в кустах...

Дарн осёкся. Челюсть напряглась.

Газар понял, что мучило его весь день не меньше самой тени.
Собственный страх.

— Ты правильно сделал, что ушёл, — сказал он.

Дарн вскинул голову.

— Не жалею меня.

— Я тебя не жалею.

— Тогда не говори со мной как с ребёнком!

— Я говорю, что лезть ночью в кусты к неизвестному существу было бы глупостью.

— А убежать — нет?

— Если это спасает жизнь — нет.

Дарн смотрел на него несколько секунд. Казалось, ответ должен был успокоить, но он лишь дёрнул ворот плаща, словно тому внезапно стало тесно на шее.

— Ты не видел его.

— Нет.

— Поэтому тебе легко рассуждать.

— Возможно.

— «Возможно»...

Дарн отошёл от стола, сделал несколько шагов к двери и вернулся. Он словно не мог оставаться на одном месте.

— Я ведь знаю, что видел.

Газар промолчал.

— Знаю, — повторил Дарн уже громче. — Это было не животное.

Мира тихо произнесла:

— Хватит на сегодня.

— Нет.

— Дарн.

— Он хочет знать.

— Я уже достаточно слышал, — сказал Газар.

Дарн посмотрел прямо на него.

— Врёшь.

Газар почувствовал, как внутри что-то напряглось.

— Почему?

— Потому что ты всё это время ждёшь одного.

— Чего?

— Чтобы я назвал его.

Мира медленно вышла из-за стойки.

— Не надо.

Дарн усмехнулся.

— Вот. И ты туда же.

— Я сказала: не надо.

— С утра все делают вид, будто от одного слова мир развалится.

— Иногда разваливается, — спокойно ответил Газар.

Дарн перевёл взгляд на него.

— Боишься?

— Осторожничаю.

Дарн провёл большим пальцем по костяшкам другой руки. Пальцы заметно дрожали.

— Я просто увидел в темноте какую-то тварь. Испугался. Вот и всё. Обычный страх.

— Дарн, — предупредила Мира.

Он будто не услышал.

— Хотите знать, что там было?

Газар поднялся.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Дарн заметил.

Впервые за весь разговор на его лице появилась почти настоящая улыбка — упрямая, болезненная, вызывающая.

— Теперь уже ты боишься.

— Я сказал: не произноси.

— Почему? Это просто слово.

— Сядь, — жёстко сказала Мира.

Дарн глубоко вдохнул.

В зале стало тихо. Даже игроки у дальней стены перестали бросать кости.

— Монструс.

Слово прозвучало негромко.

Никакого грома. Никакой вспышки.

Только тишина.

Дарн стоял посреди неё, тяжело дыша.

Прошла секунда.

Потом ещё одна.

Кто-то у стены нервно хмыкнул.

Дарн посмотрел на Газара и медленно развёл руки.

— Ну?

Газар не ответил.

— Видишь? Ничего.

Напряжение в его плечах начало отпускать. Дарн даже рассмеялся — коротко, почти облегчённо.

— Целый день боялся какого-то...

Правая кисть дёрнулась.

Смех оборвался.

Дарн посмотрел на пальцы.

— Что за...

Они судорожно сжались.

Он попытался разогнуть их другой рукой, но суставы словно заклинило.

— Мира?

В его голосе больше не было ни злости, ни вызова.

Мира мгновенно оказалась рядом, но остановилась, не решаясь прикоснуться.

— Дарн, спокойно.

— Что с рукой?

Под кожей предплечья прошла судорога.

Дарн вскрикнул и схватился за край стола. Дерево жалобно скрипнуло под пальцами.

Газар шагнул ближе.

— Смотри на меня.

— Сделай что-нибудь!

— Дарн. На меня смотри!

Мужчина поднял глаза.

— Помоги.

И в этот момент под кожей его руки что-то сдвинулось.

Дарн закричал.

Изменение пошло быстро.

Пальцы вытянулись первыми. Суставы с сухим хрустом изменили форму, ногти потемнели и превратились в кривые когти. Дарн отшатнулся от стола, глядя на собственные руки так, будто они принадлежали другому человеку.

— Нет... нет, нет...

Он попытался отступить, зацепился за стул и рухнул на колено.

Кто-то у очага вскочил.

— Проклятый!

Мира резко повернулась.

— Всем назад!

Из-под стойки она выхватила короткий топорик.

Дарн вскинул голову. Глаза пока оставались человеческими — и в них был такой ужас, что несколько человек у двери замерли вместо того, чтобы бежать.

— Я не хотел... — выговорил он. — Я только...

Его спину выгнуло.

Газар достал кинжал, но не приблизился.

— Дарн, слышишь меня?

Тот кивнул, стиснув зубы.

— Говори со мной. Не смотри на руку. На меня смотри.

Дарн попытался перевести дыхание, но новый спазм скрутил плечо. Мира схватила Газара за рукав.

— Ты его сейчас допрашиваешь?

— Я не даю ему уйти в себя.

— Тогда делай это быстрее.

Дарн тяжело втянул воздух и судорожно кивнул.

— Страшно...

— Что ещё? Что было у тебя в голове, когда ты сказал слово?

— Газар... — в голосе Миры прозвучало предупреждение.

Он наконец посмотрел на неё.

На её лице не было ни тени прежней насмешки.

— Если видишь, что ему хуже, прекращай.

Дарн поднял голову.

— Нет... пусть.

Газар снова повернулся к нему.

— Тогда ответь только на это: чего ты хотел в тот момент?

Дарн уставился на изменившиеся руки.

— Чтобы... чтобы оно оказалось просто тварью. Чтобы я не боялся. Чтобы всё это кончилось.

Он зажмурился.

— Я хотел домой.

Последние слова прозвучали почти по-детски.

У Газара перехватило дыхание.

На мгновение перед ним возник берег Ярви: Торн, лицо отца, кровь, расходящаяся по воде.

Пятнадцать лет назад никто не знал, что делать.

Сейчас он тоже не знал.

— Я постараюсь помочь, — сказал Газар.

Мира посмотрела на него, но ничего не сказала.

Дарн снова застонал. Плечи расширились, ткань плаща натянулась и лопнула по шву. На шее проступили тёмные жилы. Когда он открыл глаза, вокруг зрачков уже разливался жёлтый цвет.

— Отойдите... — прохрипел он.

Газар не двинулся.

— Газар, — тихо сказала Мира.

На этот раз в её голосе не было приказа.

Была просьба.

Он сделал шаг назад.

И почти успел.

Дарн бросился вперёд.

Когти с треском распороли край стола там, где мгновение назад находился Газар. Кружки посыпались на пол. Кто-то закричал; лавка опрокинулась, двое посетителей рванулись к двери и едва не сбили друг друга.

Газар поднял кинжал. Следующий удар пришёлся по лезвию с такой силой, что пальцы онемели до локтя.

— Дарн!

На имя проклятый отреагировал. Всего на мгновение, но голова повернулась.

Мира воспользовалась этим и швырнула тяжёлую кружку. Глина разбилась о висок.

— Сюда! — крикнул Газар, возвращая его внимание к себе.

Он шагнул навстречу и ударил в бок, стараясь не загонять клинок глубоко. Дарн взревел. Когти сомкнулись на плече Газара, прорвали рясу и кожу.

Боль вспыхнула горячей полосой.

Газар ударил его свободной рукой в грудь, вывернулся и отступил, прижав ладонь к плечу.

— Жив?! — крикнула Мира.

— Да.

— Тогда двигайся!

Она уже была рядом. Обух топорика ударил Дарна в висок.

Проклятый рухнул на одно колено.

Несколько мгновений он тяжело дышал, упираясь когтистой рукой в пол.

Потом поднял голову.

Жёлтый цвет почти заполнил глаза, но голос, вырвавшийся из изменившегося горла, всё ещё был человеческим.

— По...моги...

Газар застыл.

Кинжал в его руке опустился на несколько пальцев.

— Дарн?

Мира резко вдохнула.

Этого мгновения оказалось достаточно.

Дарн рванулся вперёд.

Газар увидел когти, открывшуюся пасть и остаток человеческого ужаса в жёлтых глазах.

Выбора больше не было.

Он шагнул навстречу и вонзил кинжал в грудь.

Дарн судорожно вдохнул.

Когти остановились на ширину ладони от лица Газара.

Несколько мгновений они стояли почти вплотную. Тело Дарна расслабилось, и он тяжело осел на пол.

В таверне стало тихо.

Не той настороженной тишиной, которая возникла перед произнесённым словом. Другой — тяжёлой, растерянной.

Где-то у ножки стола кружка всё ещё покачивалась на боку, всё медленнее постукивая об пол.

Газар смотрел на Дарна и не сразу заметил, что продолжает сжимать рукоять кинжала.

Мира подошла и осторожно положила ладонь ему на запястье.

— Отпусти.

Он не отреагировал.

— Газар.

Пальцы разжались.

Мира опустила руку рядом с Дарном, коснулась шеи, хотя оба уже понимали, что искать там нечего. Потом медленно поднялась.

— Ты пытался ему помочь. Я видела.

Газар посмотрел на неё.

Мира перевела взгляд на тело Дарна.

— Но в какой-то момент ты начал слышать уже не его, а случай.

Она вытерла ладонь о фартук и снова посмотрела на Газара.

— Я не говорю, что из-за этого он погиб. Просто запомни: перед тобой человек, пока он ещё может тебя услышать.

Газар открыл рот, но ответить сразу не смог.

Мира тоже больше ничего не сказала.

Она подняла опрокинутый стул, поставила его на ножки и только тогда посмотрела на зал.

— Все целы?

Из угла кто-то неуверенно ответил:

— Кажется.

— Тогда хватит стоять. Кто-нибудь, позовите людей из храма. И стражу.

Охотник у очага первым двинулся к двери.

Мира посмотрела на Газара.

— А ты сядь.

— Я в порядке.

Она указала на кровь, пропитавшую разорванную ткань на плече.

— Конечно. Поэтому пол на тебя и напал.

Газар посмотрел вниз. На доски действительно капала кровь.

— Царапина.

— Сядь.

На этот раз он не спорил.

* * *

К вечеру дождь всё-таки добрался до Ривенхолда. Он шуршал по крыше, стекал по ставням и временами заглушал колокол на храмовой башне. Газар сидел в своей комнате при свете небольшой масляной лампы; пламя дрожало каждый раз, когда ветер находил щель в раме, и тень от пера ползла по столу вместе с его рукой.

Комната была такой же, как у большинства младших служителей: узкая кровать, стол, два табурета, маленькая железная печь и полка, на которой книг уже давно помещалось больше, чем позволяла ширина доски. Несколько томов лежали друг на друге на полу. Между ними торчали свёрнутые листы — копии донесений, которые Газар когда-то переписал от руки и так и не вернул в общий архив.

Перед ним лежали два листа. На первом — официальный отчёт о случае проклятия слова.

«Дарн, мужчина приблизительно тридцати лет. Произнесённое слово: „монстр“. Проявление: изменение конечностей, глаз и телосложения; утрата контроля. Исход: смерть».

Газар перечитал написанное. В отчёте были имя, слово, признаки превращения и итог — всё, что требовал архив. Но самого Дарна, человека, который несколько часов назад дрожал у стойки и говорил, что хочет домой, в этих строках почти не осталось.

На втором листе Газар записал то, что пока не собирался отдавать старшим: «Дарн провёл почти весь день в страхе и снова и снова возвращался мыслями к одному образу. Возможно, само слово лишь освобождает или направляет силу, когда человек уже подготовлен своим состоянием. Проверить: длительность переживания; сила образа; намерение в момент произнесения. Почему изменение обратилось на самого Дарна — неизвестно. Недостаточно данных».

Ниже стояло другое: «Рагн. Северные скалы. Участок без птиц и зверей. Чёрный оплавленный след на камне».

Пятнадцать лет Церковь собирала подобные случаи. В архивах лежали тысячи страниц: превращения и смерти, неудачные попытки намеренно повторить действие опасного слова, свидетельства о людях, произносивших их в страхе, ярости, отчаянии или любви. Для прихожан вывод оставался простым: проклятие слова опасно, а осторожность и молчание спасают от беды. Газар понимал, почему старшие держались за это правило, но самого правила ему было мало. Слово «проклятие» ничего не объясняло. Он хотел знать, почему один человек менялся, а другой после тех же слов оставался прежним.

На краю памяти всплыло старое слово из полузабытых трактатов — «магия». Газар почти сразу отбросил его. Назвать неизвестную силу древним именем было легко; понять, почему она подчинялась одному человеку и калечила другого, — совсем другое дело. Пока «магия» объясняла происходящее не лучше, чем «проклятие».

Он открыл маленький деревянный ящик под столом. Там хранились его собственные записи: переписанные отрывки из архивов, сопоставления случаев и заметки о попытках намеренно вызвать ту же силу, которая иногда проявлялась после опасного слова.

Свет впервые получился у него несколько лет назад — после месяцев бесполезных повторений. До этого были только головная боль, слабость, бессонные ночи и десятки вечеров, когда не происходило вообще ничего. Постепенно Газар заметил, что успех зависел не от громкости слова и не от отчаянного желания увидеть результат. Важнее было удерживать в сознании само действие и возвращаться к внутреннему напряжению, сопровождавшему первый удачный случай.

Он положил ладонь на стол, сосредоточился и представил ровное мягкое сияние — не огонь свечи, а просто свет. Лишь когда образ перестал распадаться, тихо произнёс известное ему слово.

Над пальцами возник белый огонёк. Он дрогнул, но не исчез.

Газар удерживал его несколько вдохов. Очень скоро в плечах появилась знакомая тяжесть, словно он долго нёс корзину с камнями. Свет погас, оставив после себя слабое пятно перед глазами.

Это был грубый и утомительный способ. Газар не знал, правильно ли вообще пользуется силой. Но результат можно было повторить — а значит, за кажущимся хаосом существовали закономерности.

Он посмотрел на запись о северных скалах. Место, которого избегали животные, находилось в той же стороне Ривенхайма, куда пятнадцать лет назад ушло крылатое чудовище. Связи могло не быть вовсе, но проверить это за письменным столом было невозможно.

Официальный отчёт о Дарне Газар отложил отдельно. Личные записи убрал под рясу. Ночью лезть в горы он не собирался; до рассвета оставалось достаточно времени, чтобы собрать воду, хлеб и хотя бы несколько часов поспать.

* * *

Ривенхолд ещё спал, когда Газар вышел за северные ворота. Небо только начинало сереть. Камни мостовой блестели после ночного дождя, из конюшни у стены тянуло сеном и навозом, а сонный стражник посмотрел на серую рясу, на сумку за плечом и решил не задавать вопросов. Газар был ему за это благодарен.

Сказать старшим, куда идёт, означало получить либо сопровождение, либо прямой запрет. Ни того ни другого Газар не хотел.

В книге выходов он записал: «нижняя переправа, проверка случая Керна».

Газар несколько мгновений смотрел на запись, затем закрыл книгу. К Керну уже отправили лекаря и другого служителя. Его имя всё равно делало запись правдоподобной.

Северная тропа уходила вдоль подножия Ривенхайма. Утренний воздух был холодным, земля после ночи оставалась влажной. Первые часы Газар шёл по дороге, затем свернул к старым охотничьим тропам.

К полудню Газар уже начинал подозревать, что Рагн напился сильнее, чем утверждала Мира. Ничего необычного не происходило: в кустах шуршали мелкие зверьки, над деревьями перекликались птицы, а возле ручья он заметил свежие отпечатки оленьих копыт.

Странность обнаружилась не сразу. Газар остановился у небольшой осыпи, чтобы выпить воды, и только тогда понял, что вокруг слишком тихо.

Ветер всё ещё шевелил ветви, но птиц больше не было слышно. Не шуршали кусты, не стрекотали насекомые. Он вернулся на несколько десятков шагов и почти сразу заметил старый след копыта в мягкой земле. Выше по склону следы исчезали совсем.

— Значит, не всё придумал, — негромко сказал Газар.

Собственный голос прозвучал среди этой тишины неестественно громко. Дальше он пошёл медленнее, всё чаще оглядывая землю и прислушиваясь к лесу.

У скал поиск замедлился. Рассказ Рагна оказался куда менее точным, чем хотелось бы: одинаковые чёрные уступы тянулись один за другим, а старая тропа давно распалась на несколько звериных проходов.

Газар выбрал ущелье, где почти не видел следов, и больше часа поднимался между мокрых камней. Только у тупика заметил свежий помёт и услышал над головой резкий крик птицы. Пришлось возвращаться.

Во второй раз он пошёл восточнее, постоянно проверяя землю. Там, где снова появлялись следы зверей, сворачивал назад. Лишь к вечеру нашёл участок, где тишина не нарушалась даже в кустах у подножия скал.

За большим каменным выступом скрывалась узкая трещина. Вход выглядел естественным, но сама скала вокруг была искалечена старым ударом: огромные глыбы лежали так, будто их когда-то сорвало сверху и вдавило в склон.

На одном камне тянулась чёрная гладкая полоса. Газар провёл по ней пальцами. Поверхность оплавилась и снова застыла; обычный костёр такого следа оставить не мог.

Он долго смотрел на камень, прежде чем решился идти дальше.

Газар протиснулся внутрь. За спиной остался серый дневной свет, и почти сразу пришлось замедлить шаг: пол уходил вниз, под сапогами перекатывались мелкие камни, а стены сужались так, что временами приходилось поворачивать плечи.

Через несколько шагов воздух стал заметно холоднее. От стен тянуло сыростью, на языке появился слабый металлический привкус.

Газар достал кремень, но передумал. Ему хотелось проверить то, чему он учился последние годы.

Он сосредоточился и тихо произнёс слово света. Над ладонью возник небольшой белый огонёк, однако почти сразу задрожал. Удерживать его здесь оказалось труднее обычного.

Газар нахмурился, но не стал торопиться с выводом. Причиной могла быть усталость после дороги, холод или что-то в самой пещере. Он лишь запомнил ощущение и пошёл дальше.

Проход постепенно расширился. Огонёк дважды гас, и каждый раз Газару приходилось останавливаться в полной темноте, ждать, пока выровняется дыхание, и вызывать свет заново. Чем дальше он спускался, тем тяжелее отзывалась привычная сила. Только после ещё нескольких минут осторожного пути впереди проступила тонкая голубоватая линия.

Сначала Газар принял её за отблеск на мокром камне. Он подошёл ближе и протянул руку.

Пальцы встретили холодную твёрдую поверхность там, где глазу не за что было зацепиться.

Газар резко отдернул ладонь, затем осторожно коснулся снова. В воздухе под пальцами на мгновение проступили угловатые знаки и тут же угасли.

За годы в Церкви он видел немало зарисовок странных символов — на оружии, камнях и обломках вещей, найденных после случаев проклятия или иных необъяснимых происшествий. Эти линии не походили ни на одну из тех, что попадались ему прежде.

Газар провёл ладонью в сторону, затем выше и ниже. Невидимая поверхность уходила к стенам и потолку, полностью перекрывая проход. Он надавил сильнее, потом упёрся обеими руками, но барьер не поддался ни на толщину пальца.

Свет над ладонью погас, когда внимание рассеялось. В темноте стало лучше видно слабое голубоватое сияние, возникавшее там, где пальцы касались преграды.

Газар отступил на шаг, потом снова коснулся поверхности. Знаки вспыхнули под пальцами и тут же угасли. Он невольно рассмеялся — коротко, почти беззвучно, и сам удивился этому звуку в мёртвой тишине пещеры. Пятнадцать лет он слушал чужие рассказы, переписывал свидетельства и пытался собрать закономерность из обрывков. До сих пор почти всё сводилось к словам, превращениям и чужим воспоминаниям. Теперь перед ним находилось нечто иное: невидимая преграда, явно созданная намеренно и подчинявшаяся неизвестным правилам. Сердце билось быстрее, чем после подъёма по склону.

— Что же ты такое?... — прошептал он.

Эхо тихо повторило последние слова.

В памяти снова возник Богфор: огонь над крышами, огромная крылатая тварь и человек, который пришёл за ней из разлома. Оба тогда исчезли в стороне Ривенхайма. Этого было слишком мало, чтобы считать пещеру тем самым местом, и Газар это понимал. Детская память могла ошибаться, а горы занимали многие мили.

Но совпадений становилось слишком много, чтобы просто уйти. Животные избегали этого участка. Камень у входа был оплавлен. За обвалом скрывалась преграда со знаками, которых Газар никогда прежде не видел.

Он приблизился к барьеру, пытаясь различить что-нибудь за голубоватой дымкой, но дальше была лишь темнота.

Газар не знал, что удерживает эта преграда и для чего её создали. Она могла запираť что-то внутри — или, наоборот, защищать внутреннее пространство от тех, кто пришёл снаружи. Даже связь с событиями пятнадцатилетней давности пока оставалась только догадкой.

И всё же впервые у него было не чужое воспоминание и не рассказ подвыпившего охотника, а место, которое можно изучать.

Он достал лист, снова вызвал слабый огонёк и принялся зарисовывать знаки. Они появлялись лишь на несколько мгновений после прикосновения, поэтому приходилось снова и снова класть ладонь на холодную поверхность, запоминать линии и переносить их на бумагу.

Несколько раз он ошибался и начинал рисунок заново. Пальцы постепенно онемели, свет слабел быстрее обычного, а плечи налились тяжестью. Газар всё равно продолжал, пока на листе не осталось достаточно набросков, чтобы позднее сравнить их с церковными записями.

Когда последний знак лёг на бумагу, Газар по привычке потянулся к сумке с официальными листами. Рука остановилась на полпути. Только тогда он по-настоящему подумал о Церкви, и восторг сразу стал тише.

Если показать находку старшим сейчас, к северным скалам отправят людей, проход опеят, а самого Газара, скорее всего, отстранят до решения тех, кто имел право решать. Возможно, именно так и следовало поступить.

Он сложил лист вчетверо и ещё несколько мгновений держал его над раскрытой сумкой. Потом медленно отвёл руку и спрятал рисунок под одежду. Ладонь задержалась на груди, словно он сам ещё проверял, действительно ли сделал это.

Перед уходом Газар ещё раз коснулся барьера. Холод мгновенно прошёл в пальцы, и неизвестные знаки проступили под ладонью тусклым голубым светом.

— Я вернусь, — тихо сказал он.

Из пещеры Газар выбрался уже в сумерках. В сером свете склон казался чужим: одинаковые камни, мокрые кусты, ни одного знакомого ориентира. Спускаться в темноте было глупостью даже по его меркам.

Под скальным выступом нашлось сухое место. Газар развёл маленький огонь, съел остаток хлеба и завернулся в плащ, но сон не шёл. Несколько раз он доставал спрятанный рисунок, подносил к огню и снова проводил взглядом по незнакомым линиям, словно за несколько часов они могли открыть ему больше, чем в пещере.

Лишь под утро он задремал ненадолго. С первым светом затоптал угли и отправился обратно.

Обратная дорога заняла почти весь следующий день. К вечеру между холмами показались крыши Ривенхолда. Над городом поднимался привычный дым, звонил храмовый колокол, у ворот спорили два возчика, и со стороны рынка доносился гул вечерней торговли.

Всё выглядело точно так же, как накануне.

Только теперь под одеждой Газара лежал сложенный вчетверо лист с рунами, которых он прежде не видел ни в одном церковном архиве.

Он поправил сумку на плече и вошёл в город.

Глава 2: «Орден»

Пятнадцатью годами ранее, в год катастрофы, никто ещё не называл наступившую эпоху Эпохой Тишины.

Людам было не до названий.

В Богфоре хоронили мёртвых, вытаскивали из воды разбитые лодки и разбирали обгоревшие балки. По берегам Ярви люди ночевали у костров, потому что боялись возвращаться под уцелевшие крыши. Говорили мало и постоянно прислушивались к собственным словам.

Слухи множились.

В одном селении мужчина в ярости выкрикнул обычное, знакомое всем вокруг слово и на несколько мгновений стал сильнее троих. В другом женщина в ужасе произнесла другое слово, после которого кожа на её руках затвердела, словно камень. Где-то ничего не происходило вовсе, хотя люди кричали, ругались и молили богов до хрипоты.

Никто ещё не видел закономерности.

Зато страх видели все.

Если бы опасным оказалось каждое слово, можно было бы просто замолчать. Если бы дело было только в гневе, можно было бы учиться сдерживать себя. Но обычные фразы проходили бесследно, тогда как одни и те же точные формы отдельных слов снова появлялись в рассказах о невозможном.

Пока это казалось совпадением.

Старые боги никуда не исчезли. В храмах всё ещё горели лампы, рыбаки оставляли монеты морским покровителям, земледельцы просили дождя. Только теперь после молитвы люди всё чаще задерживались у алтаря и спрашивали жреца:

— Почему они позволили этому случиться?

Ответы звучали разные.

Уверенности в них становилось всё меньше.

На пепелище Богфора старейшина Халд однажды сказал у вечернего костра:

— Старого мира больше нет.

Кто-то сразу шикнул на него.

Халд посмотрел на чёрные остовы домов, на людей, которые уже боялись не только чужого крика, но и собственного голоса.

— Нет, — повторил он. — Так мы долго не проживём. Мы всё равно должны говорить. Просто теперь придётся думать, что именно мы говорим.

Через годы эту ночь будут вспоминать как одно из первых предвестий Эпохи Тишины.

Но тогда люди просто пытались дожить до следующего утра.

* * *

Гирион спустился к Богфору ещё в тот вечер.

В суматохе никто не заметил, откуда именно он появился: чужеземца впервые запомнили уже среди людей, которые таскали воду и разбирали горящие балки.

К рассвету его уже знали в лицо: человек в почерневшем, местами прогоревшем почти насквозь плаще, со сломанным мечом у пояса и засохшей кровью на рукаве. Защитные руны уберегли хозяина от драконьего огня лучше, чем саму ткань. И всё же на спине плаща сквозь копоть проступала серебряная восьмиконечная звезда — знак, значения которого здесь пока никто не знал. К полудню о чужеземце знали почти все выжившие.

Некоторые узнали его сразу: человек из разлома, тот самый чужеземец, который сражался с крылатой тварью и рядом с которым появилась огненная птица.

Гирион не пытался скрыться. Он помогал переносить раненых, таскал воду, вправил мальчику вывихнутое плечо и почти час просидел рядом со стариком, которому уже ничем нельзя было помочь.

И всё это время чувствовал на себе взгляды.

Первым подошёл Азаль.

Гирион заметил его ещё утром: высокий, жилистый мужчина с русыми волосами, в которых у висков уже пробивалась седина. Он работал вместе с остальными, но всякий раз, когда проходил мимо Гириона, смотрел на него слишком долго.

Теперь в руке у Азаля был нож.

— Это был ты?

Гирион поднял голову от ведра, которое только что поставил возле раненой женщины.

— Что именно?

— Не притворяйся.

Гирион выпрямился.

Азаль остановился в нескольких шагах. Люди вокруг постепенно затихли.

— В горах, — сказал он. — С той тварью. Это ты с ней дрался?

— Да.

На лице Азаля что-то дрогнуло.

— Она мертва?

Гирион не стал смягчать ответ.

— Нет.

Кто-то неподалёку резко вдохнул.

Азаль словно не расслышал.

— Нет?

— Нет. Я тяжело ранил её и остановил.

— Остановил...

Он произнёс слово медленно.

— Что это значит?

— Что сейчас она не может продолжить охоту.

— Сейчас?

Гирион кивнул.

Азаль стиснул рукоять ножа.

— А потом?

— Об этом я не стану говорить здесь.

— Тогда зачем ты вообще с ней дрался?

Голос сорвался вверх.

Несколько человек вокруг вздрогнули.

Азаль тоже услышал собственный крик и замер.

Прошла секунда.

Ничего не случилось.

Он медленно выдохнул и снова посмотрел на Гириона.

— Ты видел Богфор?

— Видел.

— Нет. Ты видел то, что осталось.

Гирион не ответил.

Азаль шагнул ближе.

— А я был здесь.

Нож пока оставался опущенным.

— Жена была во дворе, когда всё началось. Упала. Ноги... — Он запнулся и сжал челюсть так сильно, что на скулах выступили желваки. — Я даже не понял, что с ней произошло. Добежать не успел.

Его взгляд на мгновение ушёл к кострам.

Там женщина держала на коленях спящего ребёнка.

Азаль отвернулся.

Азаль смотрел в землю ещё несколько мгновений, затем резко вскинул голову.

— Эта тварь пришла сюда из-за тебя.

Теперь нож поднялся.

Люди вокруг отступили.

Гирион не шевельнулся.

— Ты её преследовал.

— Да.

— Она бежала от тебя.

— Да.

— Значит, ты привёл её сюда.

— Не намеренно.

— Моей семье от этого легче?

— Нет.

Азаль уставился на него.

— Ты даже оправдываться не будешь?

— А что это изменит?

— Ничего.

— Тогда зачем?

Острие ножа остановилось напротив груди Гириона.

Рука Азаль дрожала.

— Скажи мне хотя бы одну причину, почему я не должен всадить это в тебя.

Гирион посмотрел на короткое лезвие.

— Не скажу.

Азаль моргнул.

— Что?

— Если тебе нужен удар, чтобы решить, что делать дальше, ударь.

Гирион сделал шаг вперёд.

Острие почти коснулось плаща.

— Я не стану тебя останавливать.

Азаль замер.

— Почему?

— Потому что часть вины действительно моя. Я преследовал дракона и не знал, куда он откроет путь. Когда понял, было поздно.

Нож опустился на несколько пальцев.

Азаль явно ждал другого ответа.

— И всё?

— Нет.

Гирион посмотрел на людей вокруг.

— После этого реши, что будешь делать дальше.

— А ты уже решил?

— Да.

— И что?

— Остаться.

Азаль усмехнулся без веселья.

— Здесь?

— В этом мире.

— Зачем?

— Потому что дракон жив. Потому что через разлом в ваш мир хлынул огромный поток силы, к которому Зэра никогда не была приспособлена. И потому что я не собираюсь уйти, оставив вас с тем, что частично произошло из-за моей погони.

Азаль медленно опустил нож, но в ножны его пока не убрал.

— Ты вообще кто такой?

Гирион несколько мгновений смотрел на него. На этот раз одного имени было недостаточно.

— Хранитель.

Азаль нахмурился.

— Это ещё что значит?

— В моём мире существует Орден Хранителей. Я был одним из его старших воинов и имел право действовать самостоятельно там, где рядом не было Мастера. Мы защищали миры от угроз, с которыми обычные армии не могли справиться.

— Миры?

— Не только свой. Для Хранителя не имеет значения, где он родился. Если миру в который он попал грозит уничтожение, он обязан вмешаться.

Азаль посмотрел в сторону пепелища.

— Поэтому ты остался.

— Поэтому тоже.

— А твой Орден?

— Я не могу до него добраться.

— Значит, ты здесь один.

— Пока.

Азаль поднял взгляд.

— Что значит «пока»?

— Орден — не здание и не королевская грамота. Это люди, правила и обязанность. Если я не могу вернуться к своему Ордену, а в этом мире есть угроза, которую нельзя оставить без надзора, я продолжу его работу здесь.

— Хочешь создать новый?

— Не новый. Продолжение. Ветвь Ордена в Зэре.

Азаль коротко усмехнулся, но без прежней насмешки.

— Из кого?

Гирион посмотрел на людей вокруг.

— Не знаю. Хранителем нельзя назначить человека только потому, что ему некуда идти. Сначала нужно укрытие. Потом — обучение. А после станет видно, кто действительно готов принять правила Ордена.

— И кто здесь будет главным?

— Пока я. У нас эта должность называется Мастером. Не потому, что я был главой старого Ордена — не был. Но здесь сейчас нет другого Хранителя, которому можно передать ответственность.

Азаль некоторое время молчал.

— Ты прилетел вслед за чудовищем. Рядом с тобой была птица из огня. Ты делал то, чего никто из нас даже представить не мог. И ты хочешь сказать, что понимаешь, что теперь происходит со словами?

— Часть понимаю.

Ответ прозвучал без колебаний, и Азаль впервые за всё утро посмотрел на него не только со злостью.

— Часть?

Гирион поставил ведро на землю.

— Существо называется драконом. В моём мире с такими тварями воевали задолго до моего рождения. Я знаю их повадки и знаю достаточно о силе, чтобы понимать: случившееся здесь — не чудо и не кара богов. Но условия изменились.

— Какие ещё условия?

— В Зэре сила существовала и раньше, но её было настолько мало, что она почти никак не влияла на жизнь. Через разлом сюда хлынул огромный поток. Мир не был к нему готов, и теперь сила ведёт себя иначе, чем прежде.

Азаль нахмурился.

— И слова?

— В том числе.

Гирион на мгновение вспомнил берег Ярви и слово, выкрикнутое тогда перед неизвестной крылатой тварью.

— Слово, которое прозвучало тогда у реки, мне знакомо. Этого достаточно, чтобы понять: случившееся может повториться. Чего я пока не знаю — какие ещё слова способны сработать здесь сами.

— Значит, дело всё-таки в конкретных словах.

— Иногда дело в точной форме слова. Но не думай, что я уже могу дать вам список и закончить на этом.

— Тогда почему ты не можешь просто назвать все опасные слова?

— Потому что слово, которое в моём мире используют намеренно, не обязательно срабатывает здесь само. А то, что никогда не было опасно для вас раньше, теперь может оказаться опасным. Пока это придётся проверять по случаям.

Азаль наконец убрал нож в ножны.

— Прекрасно.

— Нет.

— Хоть в чём-то согласны.

— Я могу научить вас хотя бы не проверять каждую неизвестность собственной жизнью. Но сначала вам нужны не объяснения.

— А что?

Гирион посмотрел на раненых, на мокрые паруса над кострами и на людей, которые всё ещё говорили вполголоса.

— Дожить до завтра.

* * *

В тот же вечер Гирион попросил у Халда карту.

Картой оказался кусок старой выделанной кожи, на котором реки были толще дорог, а половина деревень обозначалась точками без названий.

Халд разложил её на перевёрнутой бочке.

Азаль стоял рядом.

— Нам нужно место, — сказал Гирион. — Для тех, кто уйдёт из Богфора, и для первого опорного дома Ордена. Не рядом с крупным городом. С водой. Желательно защищённое с нескольких сторон.

— И чтобы никто не пришёл завтра собирать с нас налог, — добавил Азаль.

Халд покосился на него.

— Ты уже крепость строишь?

— Нет. Королевская крепость на нейтральной земле нарушила бы договор. Мне нужен дом Ордена, а не пограничный замок.

— Тогда зачем тебе налог?

— Я думаю вперёд.

— Это на тебя не похоже.

Азаль хотел ответить, но Гирион указал на узкую полосу берега Шивы возле старых пограничных отметок.

— Что здесь?

Халд наклонился над картой.

— Серые скалы.

— Чьи земли?

Старейшина пожал плечами.

— Смотря кого спросишь. Тавендор считает старые столбы поставленными слишком далеко к Ардосу, Ардос — наоборот. Лет сорок назад из-за этой полосы едва не дошло до войны.

— И чем закончилось?

— Тем, что обоим королям оказалось дешевле назвать берег нейтральным. Короны обязались не строить там пограничных крепостей, не держать постоянных гарнизонов и не ставить сборщиков налогов. Рыбакам, пастухам и тем, кто хочет жить на камнях, никто не запрещает. Просто желающих почти нет.

Азаль поднял брови.

— Договор ещё действует?

— Потому и действует, что берег никому особенно не нужен. Скалы, ветер, земли мало. Через него проходит старая соляная дорога, но теперь по ней ездят редко.

— Вода? — спросил Гирион.

— Несколько ручьёв. Один не пересыхает даже летом.

— Бухта?

— Маленькая есть. Рыбаки пережидают там шторм.

Гирион задержал палец на карте. Нейтральная полоса, пресная вода, море, естественные скалы и ни одного постоянного гарнизона поблизости. Для большого города место было плохим. Для убежища, которое не должно было сразу оказаться под чужим гербом, — почти подходящим.

Именно поэтому подходило.

— Сколько идти?

— Если с ранеными — дней пять.

Азаль посмотрел на Гириона.

— Ты серьёзно? Хочешь увести людей от реки на голые скалы?

— Не всех.

Халд поднял глаза от карты.

— Богфор будут отстраивать.

— И должны, — согласился Гирион. — Но здесь есть люди, которым уже некуда возвращаться. Семьи без домов, одинокие раненые, те, кто боится оставаться возле места разлома. Им нужно другое место хотя бы на первое время.

— А на скалах еда появится сама? — спросил Азаль.

— Нет. Первое время придётся взять зерно и сушёные припасы отсюда. Потом море даст рыбу и моллюсков, в защищённых ложбинах можно разбить огороды. Соседние селения будут менять зерно на рыбу, работу и всё, что мы сможем им предложить. Это хуже плодородной долины, но лучше лагеря на пепелище.

Халд медленно кивнул.

— И там нет хозяина, который через месяц решит, что вы его новое войско.

— Именно.

Азаль посмотрел на людей под парусами, потом на место, где ещё недавно стоял его дом.

— Не думай, что я тебя простил.

— Не думаю.

Азаль задержал на нём взгляд, затем убрал руку от пояса.

— Хорошо.

* * *

За Гирионом ушло около сорока человек. Большинство выживших осталось в Богфоре: кто-то не желал покидать родную землю, кто-то уже разбирали завалы и ставил новые балки. На дорогу вышли прежде всего те, кому возвращаться было некуда, несколько семей с детьми, раненые, двое рыбаков и люди, решившие, что рядом с чужеземцем у них хотя бы будет шанс понять новую опасность. Путь к Шиве занял шесть дней.

Раненых везли на двух телегах, которые удалось починить. Дети уставали раньше взрослых, взрослые делали вид, что не устали вовсе. В мешках лежало зерно на первые недели, на телегах — инструменты, сети, несколько мешков семян и всё, что удалось спасти из домов.

Гирион чаще шёл впереди, проверяя дорогу.

Азаль держался ближе к телегам.

Первые два дня они разговаривали только тогда, когда без этого нельзя было обойтись.

На третий день Азаль спросил, как называется птица из огня.

— Феникс, а зовут его Лир.

— Где она?

Гирион не ответил сразу.

— Вернулась домой.

— А ты?

— Нет.

Азаль больше не спрашивал.

На шестой день они увидели Шиву.

Море показалось между холмами серой полосой. Дорога вскоре исчезла совсем, и последние мили пришлось идти по каменистой тропе.

Серые скалы встретили их ветром. Домов и полей почти не было; только чёрный камень, редкая жёсткая трава и узкая бухта, где вода оставалась спокойнее, чем у открытого берега.

Гирион долго стоял над ней, оценивая склон, ручей и подходы к площадке.

Азаль остановился рядом.

— Всё ещё кажется хорошей идеей?

— Хорошей — нет.

Азаль повернул голову.

Гирион указал на защищённую скалами площадку.

— Но подходящей.

— Уже лучше.

Так они остались на берегу Шивы.

* * *

Первую ночь пережили под навесами из парусов и мокрых досок.

Ветер дважды погасил костёр.

На третий раз Гирион выложил вокруг огня несколько плоских камней, нанёс на них простые руны и тихо произнёс закрепляющую форму.

Пламя выровнялось.

Люди смотрели на знаки с опаской.

Азаль присел рядом.

— Это тоже слова?

— Нет.

— А что?

— Руны.

— В чём разница?

Гирион проверил последнюю линию.

— Руна удерживает заранее заданную форму силы. Пока знак цел и правильно нанесён, действие сохраняется.

Азаль посмотрел на огонь.

— Тогда сделай такими весь лагерь.

— Один костёр — несколько минут работы. Дом — часы. Защитить весь лагерь — дни, и мне придётся делать почти всё самому.

— Почему самому?

— Потому что рисовать линии может каждый. Создать работающую руну — нет.

— Этому можно научиться?

— Если человек способен чувствовать силу — иногда.

Азаль задержал взгляд на знаке.

— А я способен?

— Не знаю.

— Проверишь?

Гирион посмотрел на него чуть дольше обычного.

— Проверю.

В последующие недели просить об обучении начали и другие. Гирион никого не посвящал в устройство силы, а лишь проверял чувствительность: давал коснуться заранее подго-

товленного знака, менял поток и наблюдал за реакцией. Большинство не чувствовало ничего. У двоих начинала болеть голова, один уверял, что ощущает тепло, пока не выяснилось, что камень лежал слишком близко к костру.

Азаль однажды отдернул пальцы ещё до того, как Гирион закончил произносить рабочую форму и проводить силу в руну.

— Что почувствовал?

Азаль растёр ладонь.

— Будто воздух стал плотнее. Не горячее. Именно плотнее.

Гирион ничего не объяснил. На следующий вечер положил перед ним три одинаковые каменные пластинки.

— Найди ту, с которой я работал.

— И всё?

— Не торопись.

Азаль по очереди провёл ладонью над каждой. На второй задержался, затем покачал головой и выбрал третью.

Гирион поменял пластинки местами и заставил повторить. Потом ещё раз. Азаль ошибся один раз из пяти.

— Значит, способен? — спросил он наконец.

— Чувствовать — да.

— Тогда учи.

— Нет.

Азаль нахмурился.

— Почему?

— Потому что способность — ещё не право владеть силой. Несколько недель назад ты стоял передо мной с ножом.

Лицо Азаля стало жёстче.

— У меня была причина.

— Была. И в будущем причины тоже будут. Нож можно выбить из руки. Силу, которую человек уже выпустил, вернуть труднее. Мне нужно знать, что ты способен остановиться даже тогда, когда уверен в собственной правоте.

Азаль несколько мгновений молчал.

— И как я это докажу?

— Временем.

Гирион не возвращался к разговору ещё несколько недель. Он наблюдал, как Азаль выполняет неприятную работу вместе со всеми, как прекращает спор после принятого решения, как удерживает людей от паники и однажды сам останавливает тренировку, когда понимает, что устал настолько, что начинает ошибаться.

Только после этого Гирион позвал его после заката.

— С этого вечера будешь заниматься со мной отдельно.

Азаль посмотрел на него с подозрением.

— Я всё-таки доказал?

— Ты показал, что способен учиться. Не путай одно с другим.

Сначала Гирион учил его чувствовать поток силы и не путать собственное напряжение с тем, что происходило вокруг. Позже разрешил пользоваться формой «Светус» и под наблюдением активировать одну защитную руну.

Остальные учились другому: вытаскивать раненых, связывать изменившегося человека так, чтобы не переломать ему кости, сражаться группой, пользоваться уже подготовленными руническими предметами и не бросаться на неизвестное существо поодиночке. Они помогали

Ордену, но Хранителями Гирион их пока не называл. Рунические вещи для них делал он сам; со временем в самой простой работе ему начал помогать Азаль.

* * *

Первые недели они жили тем, что принесли с собой, и тем, что удавалось достать из моря. Рыбаки поставили сети в бухте, на отмелях собирали моллюсков. Позже появились несколько коз и небольшие огороды в ложбинах, где ветер был слабее. Когда по старой соляной дороге снова начали проходить редкие повозки, часть улова и простую кузнечную работу стали менять на муку, крупу и масло.

Именно эти редкие рыбаки, возчики и путники первыми разнесли по соседним селениям слух о Серых скалах и человеке, называвшем себя Мастером Ордена Хранителей. Большинство не понимало, что это за Орден, но запоминало главное: там знают, как обращаться с опасными словами и странными изменениями.

Через месяц на скалах стояли первые низкие стены.

Через два — склад, кухня и длинный навес для работы.

Гирион таскал камни вместе со всеми.

Это удивляло людей едва ли не сильнее его странных умений.

Они ожидали, что человек, способный сражаться в воздухе, будет раздавать приказы.

Вместо этого он однажды половину дня спорил с Азалем из-за стены.

— Она стоит, — упрямо повторял Азаль.

— Пока.

— Уже третий день.

Гирион молча взял верёвку, привязал к концу камень и приложил к кладке.

Между шнуром и стеной остался заметный зазор.

Азаль долго смотрел на него.

— Ненавижу тебя.

— Переделай.

— Я ещё не закончил ненавидеть.

— Можешь совмещать.

Азаль всё-таки рассмеялся.

Гирион впервые услышал от него настоящий, не злой и не нервный смех. С того дня между ними что-то сдвинулось: прошлое никуда не исчезло, но впервые перестало стоять между ними каждую минуту.

* * *

Первый раз за ними пришли в конце лета. К тому времени слух о Серых скалах успел дойти до нескольких селений вдоль старой дороги.

Юноша прискакал почти ночью. Лошадь под ним была в мыле, а сам он едва держался в седле.

— Вы с Серых скал? — выдохнул он, когда Азаль помог ему спешиться. — Хранители? Азаль бросил взгляд на Гириона.

— Что произошло?

— На мельнице, восточнее. Балка упала. Орвик полез вытаскивать девочку, не смог поднять... потом крикнул слово.

— Не произноси его, — сразу сказал Гирион. Он протянул юноше дощечку и кусок угля. — Напиши.

Парень быстро вывел слово.

Гирион прочёл: «силус».

Эта форма была ему знакома. За последние месяцы он уже записал и два здешних случая её случайного запуска: в деревне у Ярви мужчина вырвал из земли столб и вывихнул оба плеча,

а на одной из пристаней грузчик в ярости поднял бочку, которую обычно катили вдвоём, после чего потерял сознание.

— Что с Орвиком сейчас?

— Жив. Но мельница рухнула. Девочка там. Ещё двое тоже.

— Он всё ещё сильнее обычного?

— Не знаю. Когда я уезжал, лежал и не мог подняться.

Гирион повернулся к людям у костра.

— Азаль. Со мной.

— Сколько?

— Четверых.

Азаль сразу назвал имена.

Из четверых, которых назвал Азаль, никто не умел напрямую управлять силой.

Зато каждый умел работать с верёвкой, носил оружие и за последние месяцы не раз тренировался вытаскивать людей из обвала.

Гирион взял сумку с руническими пластинами.

Они ушли в темноту.

* * *

До мельницы добрались перед рассветом.

Деревянное здание перекошилось. Половина крыши лежала на земле. Возле развалин толпились люди, но никто не решался лезть внутрь: балки потрескивали при каждом движении.

Орвик лежал у стены соседнего дома.

Гирион опустился рядом и сначала осмотрел руки. Суставы распухли, несколько пальцев двигались плохо, но само необычное усиление уже исчезло.

Он достал дощечку, написал слово, названное гонцом, и показал Орвику.

— Это произнёс ты?

Мужчина кивнул.

— Не повторяй. Расскажи по порядку, что произошло перед тем, как ты его крикнул.

— Балка придавила проход. Дочка кричала из-под неё. Я пытался поднять — не смог.

— Потом?

— Крикнул. И поднял.

— Боль почувствовал сразу?

Орвик закрыл глаза.

— Нет. Уже после. Когда всё отпустило.

Гирион осторожно повернул его предплечье и остановился, когда мужчина поморщился.

— Ты поднял балку, которую обычное тело поднять не могло. Поэтому и пострадал. Усиление уже ушло, а повреждения суставов и сухожилий остались.

Стоявший рядом мужчина, похожий на Орвика, резко шагнул ближе.

— Не смей делать из него опыт!

Гирион поднял на него глаза.

— Я и не делаю. Я выясняю, что уже произошло, чтобы следующему человеку не сломало руки так же.

Азаль уже осматривал мельницу.

— Мастер.

Гирион подошёл.

— Там кто-то живой.

Из-под развалин действительно доносился слабый стук.

Гирион быстро оценил балки.

— Главная опора треснула.

Азаль проследил взглядом вверх.

— Вижу. Я бы подпер её тележной осью.

— Одной не хватит. Посмотри, куда уйдёт нагрузка, если треснет верхняя связь.

Азаль несколько секунд изучал перекосившуюся раму.

— Тогда две оси крестом и растяжка к каменной стене.

Один из пришедших с ними мужчин добавил:

— И канат через ворот. Тогда сможем отпустить постепенно.

Гирион кивнул.

— Делайте.

Работали почти час. Гирион закрепил на двух металлических скобах простые руны усиления и активировал их рабочей формой. Азаль удерживал направленный Мастером поток, пока тот наносил последнюю линию; остальные ставили подпорки, растягивали верёвки и отводили толпу от опасного места.

Когда пролом расширили достаточно, Гирион снял перчатку.

— Я пойду внутрь.

Азаль посмотрел на пролом, затем на рунические скобы.

— Мастер, позволишь возразить?

Гирион повернулся к нему.

— Говори.

— Если одна из скоб сорвётся, удержать руну сможешь только ты. Внутри проход узкий, там сила не поможет быстрее ползти. Я меньше тебя и пройду. Останься снаружи.

Гирион ещё раз посмотрел на скобы, затем на узкий пролом.

— Хорошо. Идёшь ты. Верёвку с пояса не снимай и назад по первому моему приказу.

— Понял.

Через несколько минут Азаль выбрался из пролома с девочкой на руках. Она была жива. Следом вытащили ещё двоих.

Девочку сразу подхватил отец. Он прижал её к себе так сильно, что она тихо вскрикнула, и тут же ослабил руки, не переставая повторять её имя. Азаль задержался рядом всего на мгновение. Потом отвернулся к развалинам и взялся за верёвку.

Последнего пришлось освобождать, поднимая балку вместе. Никто не произнёс опасного слова. Шесть человек просто взялись одновременно.

Когда всё закончилось, местный староста долго смотрел на людей со скал.

— Кто вы такие?

Гирион ответил без пафоса:

— Орден Хранителей.

Староста оглядел Азаль и остальных.

— Все?

— Пока нет. Орден не определяется тем, кто пришёл с нами на дорогу. Хранителем ещё нужно стать.

* * *

Обратно шли молча почти половину дороги. Азаль несколько раз оглядывался на Гириона, будто хотел спросить о чём-то, но не решался.

Наконец он сказал:

— На мельнице ты назвал Орден так, будто он существовал здесь давно.

— Он существовал задолго до того, как я родился.

— Но не в Зэре.

— В Зэре — с того дня, когда я решил остаться.

Азаль задумался.

— Тогда нас всё равно пока мало.

— Пока Орден в Зэре состоит из одного Хранителя и людей, которые помогают ему работать.

— Очень внушительно.

— Любой Орден когда-то начинался с малого.

После возвращения Гирион не позволил Азалью сразу уйти к остальным. Позвал его к костру, где лежал обломок старого меча, и некоторое время молча смотрел на огонь.

— Встань.

Азаль поднялся.

— Что опять?

— Сейчас — ничего плохого. В моём Ордене Хранителем становились не за способность пользоваться силой. Сила — инструмент. Сегодня ты полез под крышу ради людей, которых не знал. А перед этим увидел то, чего не заметил я. Возразил по делу, предложил решение и, когда я его принял, выполнил приказ.

Азаль молчал.

— Хранитель обязан выполнять приказ Мастера, пока сам приказ не нарушает обязанность Ордена. Но если ты видишь то, чего Мастер не заметил, молчание не становится уважением. Возражать можно и иногда нужно: с причиной, с уважением и до того, как решение стало необратимым. После принятого решения спор заканчивается.

— А если сам Мастер нарушит правила?

— Тогда не исполняй приказ.

Азаль внимательно посмотрел на него.

— Даже если его отдашь ты?

— Особенно если его отдам я. Ордену нужен порядок, но Мастер не стоит выше того, ради чего существует Орден.

— Понимаю.

— Тогда ответь. Готов ли ты принять правила Ордена: защищать этот мир от угроз, которые он не способен остановить обычными средствами; не служить чужой войне; ставить людей выше собственной гордости и не использовать силу ради власти над ними?

Азаль не ответил сразу. Он посмотрел на море, потом на руки, ещё покрытые пылью с мельницы.

— Готов.

Гирион протянул ему ладонь.

— Тогда с этого дня ты Хранитель.

Азаль сжал его руку.

Гирион отпустил его руку и указал на плащ.

— Сними.

Азаль нахмурился, но расстегнул застёжку и протянул плащ Мастеру. Гирион разложил ткань на плоском камне спиной вверх.

— В старом Ордене этот знак носил каждый Хранитель. Не как награду и не как знак ранга. Он означает только одно: человек принял обязанность Ордена и отвечает за неё своим именем.

Гирион положил ладонь на тёмную ткань и тихо произнёс несколько слов. Из-под пальцев разошлись тонкие серебряные линии. Одна за другой они легли восемью ровными лучами, сошлись в центре и замерли. Это была не вышивка и не краска: серебристый рисунок словно вошёл в саму ткань и стал её частью.

Азаль провёл пальцами по одному из лучей. Ткань оставалась гладкой.

— На твоём плаще такой же.

— Теперь и на твоём.

— Первый?

— Первый Хранитель Зэры после меня.

Азаль опустил взгляд на серебряный знак, затем снова посмотрел на Гириона.

— Я не подведу, Мастер.

Гирион коротко кивнул.

— Тогда начинай с того, что запомнишь: знак ничего не даёт тебе сам по себе.

— Понимаю.

Только после этого Гирион вернул ему плащ.

Азаль стал первым, но не последним. Новых Хранителей Гирион принимал не за умение драться и не за желание носить новое имя, а после обучения и выездов, где человек успевал показать, как действует под страхом, усталостью и чужой болью.

После принятия на спине плаща каждого нового Хранителя появлялась та же серебряная восьмиконечная звезда. Гирион не менял знак для Зэры: здешняя ветвь была не новым Орденом, а продолжением прежнего. Менялись люди, обстоятельства и сам мир, но обязанность Хранителя оставалась той же.

Через несколько месяцев Гирион начал учить Азалья наносить знак самому. Сначала тот неделями выводил восемь лучей на обрезках старой парусины: серебряные линии то гасли, то расплывались, если форма хоть немного теряла точность.

Когда пришло время принимать следующего Хранителя, Гирион положил перед Азалем плащ нового Хранителя.

— Сегодня ты.

— Я ещё не Мастер.

— Зато должен уметь сохранить то, что останется после меня. Знак принадлежит Ордену, а не моей руке.

Азаль ничего не ответил. Положил ладонь на ткань, сосредоточился и произнёс выученную форму. Серебряная восьмиконечная звезда проступала медленнее, чем у Гириона, но на этот раз ни один луч не погас.

С тех пор наносить знак умели двое.

* * *

Первый общий список опасных слов состоял всего из двух форм. Это был не перечень всех слов, известных Гириону из прежней жизни, и тем более не учебник. В него заносили только формы, уже срабатывавшие у неподготовленных жителей Зэры.

Отдельно Гирион предупредил Азалья ещё о нескольких формах, знакомых ему по прежнему миру, но не стал превращать предупреждение в общий перечень. Пока они не знали, какие из этих слов способны запускаться в Зэре сами, распространять их полные формы среди любопытных было опаснее, чем хранить закрытыми.

На дощечке стояли «монструс» и «силус». Писать их было безопасно, но произносить полную форму без необходимости Гирион запретил. Для первого слова быстро закрепили сокращение «монстр»; второе в разговорах называли просто словом силы.

К таким разговорам Гирион пришёл не сразу. Несколько месяцев он ограничивался практикой: заставлял Азалья наблюдать последствия, сравнивать случаи и не торопиться с выводами. Лишь когда ученик научился отличать догадку от повторяемого признака, Гирион начал понемногу объяснять ему устройство того, что происходило.

Азаль первым заметил странность.

— Если смысл почти тот же, почему «монстр» можно говорить, а полную форму нельзя?

Они разговаривали поздно ночью внутри недостроенной башни. Остальные уже спали, и Гирион сам выбрал место, где их никто не должен был слышать.

— А как тебе кажется?

Азаль покрутил ремень в пальцах, ещё раз посмотрел на обе записи.

— Звучание разное. Полная форма точнее.

Гирион ничего не сказал.

— И она сразу тянет за собой тот образ, которого люди боятся, — добавил Азаль после паузы. — «Монстр» мы уже произносим спокойнее.

Гирион кивнул.

— Вот. Смысл близок, но форма другая. Полное слово собрано точно; сокращение ломает конструкцию. Однажды я видел то же в другом мире, как и в моем и в твоём: основа языка одна, говоры и старые формы различаются, а сила подчиняется тем же законам.

— У этой силы есть другое имя?

Гирион несколько мгновений смотрел на него, решая, стоит ли отвечать.

— Магия.

Азаль едва заметно усмехнулся. Слово было знакомым — из старых сказаний, суеверий и рассказов о людях, продававших амулеты от всего на свете.

— Магия? Так шарлатаны называют свои фокусы.

— Шарлатаны любят старые слова. От этого слово не становится ложным. В моём мире магией называют саму силу и умение ею управлять.

— Тогда почему вы здесь его не используете?

— Потому что здесь это слово слишком долго означало сказки и обман. Сейчас оно только запутает людей. Им нужны правила выживания, а не новое имя для страха.

Азаль отложил ремень.

— Тогда объясни мне без красивых названий. Что делает полное слово «монстр»?

— Перестраивает живую материю. Не создаёт чудовище из ничего — меняет то, что уже есть: мышцы, кости, кожу, органы. А теперь скажи сам: что определяет конечную форму?

Азаль нахмурился, вспоминая рассказ о человеке у Ярви.

— Образ в голове?

— Но тот человек у Ярви не знал, как перестраивать кости.

— Именно. Полная словесная форма задаёт принцип перестройки, а образ — направление. Страх даёт толчок и заставляет человека удерживать этот образ. Ему не нужно знать, как перестраиваются кости: готовая форма уже несёт принцип изменения глубже, чем он сам способен понять.

Азаль помолчал.

— Это нарушает твои же правила. Ты говорил, что силой нельзя нормально сделать то, чего не понимаешь.

— Не нарушает. Он сам не строил воздействие и не понимал его устройства — он случайно запустил уже готовый процесс.

— А «сила»?

— Другая работа. Он увеличивает физическую возможность тела в направлении, которое задаёт человек. Орвик удерживал только одно: поднять балку. Воздействие усилило мышцы достаточно, чтобы это сделать, но его собственное представление не включало распределение нагрузки, суставы и сухожилия. Опытный пользователь направил бы изменение точнее или заранее укрепил то, что должно принять усилие.

Азаль нахмурился.

— Значит, желание всё-таки важно.

— Желание показывает направление. Оно не заменяет понимание. Запомни это, прежде всего. Ты можешь хотеть бессмертия сколько угодно, но пока не знаешь, что именно делает человека смертным и что нужно изменить, твоё желание не является действием.

— Слово, образ, состояние, намерение...

— Это части запуска. Но не превращай их в заклинательную считалку. Главный вопрос всегда один: что именно происходит с целью. «Монструс» меняет материю тела. «Силус» меняет её возможности. Слова не исполняют желания.

Азаль посмотрел на две записи.

— И ты знаешь все такие слова?

— Нет. Знаю многие формы, которыми пользовались в моём мире. Не знаю всех, что когда-либо существовали, и не знаю, какие из них после разлома в Зэре теперь способны запускаться у человека, который вообще не умеет управлять силой. Вот это нам придётся выяснять по случаям.

— Почему здесь это стало возможным?

— Потому что, до разлома силы здесь было почти ничтожно мало. Потом через разлом в Зэру хлынул огромный неконтролируемый поток магии. Он не успел стать частью мира и остался вокруг свободным. Сильная эмоция теперь может зацепить эту силу готовой словесной формой и запустить то, что в моём мире потребовало бы сознательного управления.

Азаль поднял взгляд.

— Поэтому обычный человек теперь способен случайно сделать то, чему у вас учились?

— Да. Но случайный запуск не делает его магом. Маг управляет силой сознательно.

— А мы пока продолжаем называть это «сила» и «опасные слова».

— Пока — да.

Гирион забрал у него дощечку и перевернул чистой стороной вверх.

— Для остальных остаются «опасные слова», «сила» и конкретные правила безопасности. Полные объяснения держим отдельно. Чем меньше людей знают, как именно запускать готовые формы, тем меньше нам придётся потом исправлять.

С той ночи Азаль вёл два вида записей. В общих книгах Ордена оставались случаи, последствия и безопасные замены слов. Отдельно он записывал объяснения Гириона о формах, структуре и управлении силой. Эти записи не выносили на общие собрания.

* * *

Гирион обучал Азаль магии медленно, хотя сам Азаль считал, что учитель нарочно растягивает самые простые вещи.

Однажды Азаль тихо произнёс: «Светус». Над его ладонью возник слабый белый свет, продержался несколько вдохов, задрожал и погас.

— Ещё раз, — сказал Азаль.

— Нет.

— Я почти удержал.

— Именно поэтому остановись и скажи, что ты сейчас делал.

Азаль раздражённо посмотрел на пустую ладонь.

— Произнёс «Светус» и создавал свет.

— Ты назвал слово и результат. Я спрашиваю, что именно ты пытался получить.

— А что тебе ещё нужно?

— Где он должен возникнуть?

Азаль показал ладонь.

— Насколько большой?

— С яблоко.

— Насколько яркий? Должен ли он греть? Двигаться за рукой или оставаться в воздухе? Сколько времени существовать?

Азаль помолчал.

— Я просто хотел, чтобы было светло.

— Вот поэтому половина силы ушла неизвестно куда, а у тебя снова болит голова.

Азаль потёр висок и ничего не ответил.

Гирион сел напротив.

— Желание даёт направление. Образ помогает удержать результат. Но управление начинается с понимания. Чем точнее ты понимаешь, что именно меняешь и каким должен быть результат, тем меньше силы тратишь впустую.

— Ты можешь просто объяснить мне всё сразу.

— Могу объяснить словами. Понять за тебя — нет. Опыт нужен не потому, что учителя любят мучить учеников. Он заставляет разум различать то, что сначала кажется одним и тем же.

Азаль посмотрел на ладонь.

— Размер с яблоко. Свет без жара. Держится над кожей и движется вместе с рукой.

— Уже лучше.

— И теперь можно ещё раз?

Гирион помедлил.

— Один.

Азаль снова произнёс «Светус». На этот раз свет получился меньше, зато почти не дрожал.

В первые годы Ордена прямой магии Гирион, кроме Азаля, никого не обучал. Позднее он проверял на чувствительность принятых Хранителей, но среди первых членов Ордена никто не воспринимал силу достаточно ясно, чтобы отдельное обучение было безопасным.

* * *

К третьему году об Ордене знали на востоке Тавендора и в нескольких приграничных округах Ардоса, но дальше его настоящее влияние почти не распространялось.

До северных королевств слухи если и доходили, то превращались в обычные дорожные истории о «воинах с моря».

Даже в самом Тавендоре далеко не каждый слышал о Хранителях.

И это устраивало Гириона.

К третьему году Орден насчитывал лишь несколько десятков Хранителей, а постоянно выезжавших групп было всего несколько. Они не могли защищать весь юг и не пытались делать вид, что могут.

Если в деревне восточного Тавендора происходило опасное превращение, иногда отправляли гонца к Шиве. Если в приграничных землях Ардоса появлялось неизвестное изменённое существо, местный староста мог вспомнить про людей на нейтральном берегу. Иногда Хранители приезжали вовремя, иногда дорога занимала слишком долго.

Рост поселения всё же заметили обе короны. Сначала из Тавендора, а потом из Ардоса приезжали чиновники и спрашивали, кому подчиняются Серые скалы. Ответ был одинаковым: ни одной короне. Орден не ставил королевских знамён, не собирал налогов и не держал войска для чужих границ. Его стены защищали людей от ветра, зверей и тех угроз, ради которых Хранители вообще появились.

Ни одной стороне такой ответ не нравился полностью, но и первой нарушать старый договор никто не хотел. К тому же Хранители уже помогали селениям по обе стороны спорной полосы. Пока Орден оставался мал, полезен и не вмешивался в пограничные споры, его присутствие терпели.

К этому времени Азаль уже перестал быть просто учеником Гириона. Сначала Мастер оставлял на нём Серые скалы на несколько часов, затем на дни, когда выезжал в соседние селения или проверял очередной слух о звёздном металле. Возвращаясь, он всё реже находил вопросы, которые ждали именно его решения: Азаль распределял людей, отправлял небольшие группы на помощь, разбирал споры и, если не знал ответа, привлекал того, кто разбирался лучше него.

На третьем году Гирион впервые отправил его руководить выездом без себя. Азаль вернулся позже обещанного, с двумя ранеными Хранителями и спасённой семьёй. В отчёте он

первым записал собственную ошибку — слишком поздно выставил наблюдателя на дороге — и не попытался переложить её на тех, кто выполнял его приказ. Гирион ничего не сказал при остальных, но эту строку запомнил.

Позже на Серые скалы приехал Тавендорский чиновник и предложил зерно, кузнечное железо и официальную защиту в обмен на клятву короне. Гирион выслушал его и повернулся к Азалю:

— Хранитель, ответь.

Азаль поднялся.

— Орден благодарен Тавендору за предложение. Мы будем помогать его людям там, где это входит в обязанности Хранителей, так же как помогаем людям Ардоса. Но присяга одной короне сделает нас частью её силы против другой. Мастер уже определил правило Ордена, и я не вижу основания его нарушать.

Чиновник ушёл недовольным. Когда дверь закрылась, Гирион спросил:

— Почему сослался на правило, а не на меня?

— Потому что однажды Мастером будешь не ты. Если Орден держится только на твоём имени, значит, Ордена у нас ещё нет.

Гирион посмотрел на него дольше, чем требовал ответ, и больше к разговору не возвращался.

После каждого случая оставались записи, и два известных опасных слова постепенно превратились в несколько.

Гирион не позволял объявлять слово опасным после одного рассказа: требовал совпадений, независимых свидетелей, одинакового или хотя бы родственного результата и обязательно — описания обстоятельств.

Тем временем Церковь собирала те же рассказы своим путём. В восточном Тавендоре её влияние оставалось слабее, чем в западных землях, но отдельные храмы и странствующие служители уже записывали случаи превращений и смертей. Случалось, деревенский жрец рассказывал Хранителю о свежем происшествии или просил помочь прихожанам, однако церковные архивы и записи Ордена не объединялись.

Даже язык постепенно расходился. Жрецы всё чаще говорили о проклятии слова и видели спасение прежде всего в сдержанности. Хранители публично говорили об опасных формах, последствиях и правилах обращения с ними. Старое слово «магия» было известно в Зэре по сказаниям, старым религиозным трактатам и рассказам шарлатанов, но на общих собраниях Ордена Гирион его не употреблял. Настоящий смысл, который вкладывал в него Гирион, в эти первые годы из уроженцев Зэры знал только Азаль.

Гирион не считал жрецов глупцами. После катастрофы осторожность действительно спасала жизни. Разница была в том, что Хранители старались определить конкретную опасность и найти безопасную замену, тогда как церковные наставления всё чаще требовали сдерживать сильную речь вообще. На востоке эти наставления ещё не определяли жизнь людей целиком. Пока Церковь и Орден были не врагами, а двумя разными ответами на один страх.

* * *

Печать под Ривенхаймом Гирион с самого начала считал временной. Она не могла удерживать дракона вечно, и одного этого знания хватало, чтобы не откладывать следующий бой навсегда.

О новом мече Гирион думал почти с первых дней после боя. Старый клинок не выдержал не потому, что был плохо выкован: обычная сталь имела предел, а в последнем столкновении Гирион заставил её принять больше силы, чем она могла вынести.

В его мире для оружия такого уровня использовали звёздный металл — железо, упавшее с неба. Оно было редким, тяжёлым в обработке и почти бессмысленно дорогим для обычного оружия, зато выдерживало нагрузку, от которой другая сталь начинала разрушаться.

Уйти на поиски сразу Гирион не мог. В первые месяцы Орден Зэры существовал почти только в его решении и правилах: он оставался единственным настоящим Хранителем, Азаль ещё только учился, а несколько десятков людей зависели от Мастера в самых простых вещах. Оставить их без опоры ради многолетнего странствия было бы созданием одной опасности ради другой.

Поэтому Гирион искал не уходя. Он спрашивал рыбаков, возчиков, кузнецов и редких гостей о падающих звёздах, старых воронках, необычно тяжёлых камнях и странном железе. Ответов накопилось много, надёжных — ни одного. Одни рассказы оказывались семейными байками, другие вели к обычной руде или шлаку.

К четвёртому году изменилось главное. Орден уже мог существовать без ежедневного руководства Гириона. Во время его отсутствий Азаль не просто командовал Хранителями — он принимал решения как человек, отвечающий за весь дом Ордена, и люди это признавали. С первых месяцев Гириону приходилось откладывать настоящее странствие ради Ордена. Теперь причина для промедления исчезала.

Если звёздный металл существовал в Зэре, он мог лежать где угодно. Значит, искать следовало не гору или одну шахту, а людей, которые когда-то смотрели в небо.

* * *

Весна пятого года выдалась холодной.

Снег на вершинах Ривенхайма лежал дольше обычного. Домхейн поднялся после таяния, а над морем Шива почти две недели висели низкие серые облака.

В тот вечер Гирион вернулся с соляной дороги поздно. Два дня он потратил на рассказ старого возчика о чёрном камне, будто бы упавшем с неба. Камень оказался куском печного шлака.

Азаль встретил его у входа в башню.

— Ещё один?

Гирион стянул мокрый плащ.

— Ещё один.

Азаль проследил, как он задержал взгляд на стене.

— Не начинай.

— Она всё ещё кривая.

— Пять лет.

— И?

— Пять лет ты каждый раз находишь эту стену.

— Исправить было быстрее.

Азаль покачал головой, но улыбка быстро исчезла.

— И что теперь?

Гирион посмотрел на него.

— Теперь ждать следующего слуха здесь я больше не могу. Собери старших.

Через четверть часа в зале башни собрались двенадцать человек.

Гирион положил на стол обломок старого меча.

— Пять лет назад я не закончил бой. Дракон остался жив.

Эльма, одна из первых принятых в Орден Хранителей, нахмурилась.

— Мы это знаем.

— И этого вам достаточно. Где он и как именно удержан, останется закрытым. Важно другое: то, чем я остановил его, не вечно. Точного срока у меня нет.

В зале стало тише.

Гирион коснулся обломка меча.

— Пять лет назад мой клинок не выдержал того, что требовалось для конца боя. Нужен другой меч. Из звёздного металла.

— А он вообще есть в Зэре? — спросила Эльма.

— Не знаю. Пять лет я проверял слухи, которые доходили до Шивы, и все оказались ложными.

Азаль прищурился.

— И теперь ты собираешься искать их сам, не дожидаясь, пока очередной рассказ придёт к Шиве.

— Да. Ждать здесь дальше нельзя.

Азаль несколько секунд молчал.

— На это могут уйти годы.

— Я знаю.

— Ты уходишь.

— Да.

— Надолго?

— Не знаю.

Азаль тихо выдохнул.

Гирион продолжил:

— Найти металл — только начало. Потом его придётся обработать. Обычная кузница для этого не подойдёт. Меч придётся ковать и насыщать силой столько, сколько потребуется. Возможно, годами.

— Годами? — переспросила Эльма.

— Возможно.

Азаль посмотрел на него.

— А Орден?

— Останется здесь.

— Без тебя.

— Он должен уметь существовать без меня.

Азаль отошёл от стола.

Сделал несколько шагов и вернулся.

Пять лет назад он так же ходил перед Гирионом с ножом в руке.

Теперь нож висел на поясе, а когда Азаль повернулся к столу, на спине его плаща блеснула серебряная восьмиконечная звезда Ордена.

— Кто будет Мастером?

— Ты.

Азаль замер.

— Мастер, ты уверен?

— Уверен.

— Я умею чувствовать поток, вести простые руны и держать несколько воздействий. Это не делает меня тобой.

— И не должно. Ордену не нужен второй Гирион.

Азаль посмотрел на сидящих за столом.

— Тогда почему я?

— Потому что последние два года каждый раз, когда меня нет, ты уже выполняешь работу Мастера.

Азаль хотел возразить, но Гирион поднял ладонь.

— Не за силу. Не за то, что ты мой ученик. Ты умеешь выслушать человека, который знает больше тебя. Умеешь признать собственную ошибку. Если видишь риск в моём решении, говоришь об этом уважительно и по существу, а после решения не подрываешь приказ перед остальными. И ты ни разу не пытался использовать Орден, чтобы получить власть вне его задачи.

Эльма тихо сказала:

— Когда тебя нет, мы всё равно идём к Азалию.

Один из старших Хранителей кивнул.

Азаль провёл ладонью по затылку.

— Это всё ещё не значит, что я знаю достаточно.

— Мастер не обязан знать всё. Он обязан понимать, когда знает недостаточно, и найти того, кто знает больше.

Гирион подошёл ближе.

— Но прежде чем я передам тебе Орден, повторю границы. Орден не служит королю. Не вмешивается в обычные войны. Не решает, кто должен сидеть на троне и где проходит чужая граница.

— Если война остаётся войной людей, мы не становимся одной из её армий, — сказал Азаль.

— Да.

— Но можем вытаскивать тех, кто оказался между сторонами, если сами не превращаемся в сторону.

— Да.

— А если угроза не закончится вместе с войной и способна распространяться сама — опасное изменение, бедствие силы, существо, которое продолжит уничтожать поселения, — это уже дело Ордена.

Гирион кивнул.

— А старое правило?

Азаль ответил без паузы:

— Если под угрозой сам мир, Хранитель идёт независимо от того, чей это мир и кто его позвал.

В зале стало тихо.

Гирион протянул руку.

— Тогда перед свидетелями передаю тебе руководство здешней ветвью Ордена Хранителей. С этого дня ты — Мастер.

Азаль медленно сжал его предплечье.

— Принял.

Только после этого напряжение в лице Гириона немного ушло.

Гирион отпустил его руку. Несколько мгновений никто не говорил. Серебряная звезда на спине плаща Азаля была той же, что у остальных, но теперь ответственность за людей в этом зале лежала на нём.

Когда старшие разошлись, Гирион задержал Азаля у стола.

— Осталось то, чего я не сказал им.

Азаль посмотрел на обломок меча.

— Дракон.

— Да. Точное место должен знать ещё один человек. Теперь — ты.

Гирион объяснил путь словами и заставил Азаля повторить его дважды. Ничего не записывал и не отмечал на карте.

— Устройство печати тебе сейчас не нужно, — сказал он. — Без моего опыта это знание не поможет её исправить. Тебе нужно знать, откуда придёт угроза, если я не вернусь.

— И не ходить туда ради любопытства.

— Именно.

Гирион помолчал, затем кивнул на плащ Азаля.

— Знак ты наносить умеешь. С этого дня новых Хранителей принимаешь ты.

Азаль медленно кивнул. На этот раз он не спорил.

* * *

На рассвете новый Мастер ждал Гириона у ворот.

За плечом Гириона висела кожаная сумка. На поясе — короткий местный меч и ножны с обломком старого клинка. Под одеждой тёплой тяжестью лежал кристалл, всё ещё удерживавший годы на расстоянии.

Азаль протянул свёрток.

— Хлеб. Сушёное мясо. Новый плащ.

Гирион опустил взгляд на свой плащ. За пять лет его латали столько раз, что местами трудно было понять, где ещё оставалась первоначальная ткань. Самые тёмные прожоги тянулись с той ночи, когда он сражался с драконом.

— Этот ещё хороший.

— Он пережил дракона. Достаточно с него. В нём дыра.

— Маленькая.

— В неё проходит кулак.

Гирион приложил ладонь.

— Мой не проходит.

— У тебя руки слишком большие. Бери.

Гирион забрал свёрток и развернул новый плащ.

Несколько мгновений он рассматривал чистую спину ткани, затем снял старый плащ и положил оба рядом на каменную скамью.

Азаль понял раньше, чем спросил.

— Знак тоже придётся переносить?

— Не переносить. Нанести заново.

Гирион провёл ладонью по ткани и произнёс рабочую форму. Серебряный свет коротко пробежал под пальцами, и на спине нового плаща проступила знакомая восьмиконечная звезда — такая же, какую пять лет назад он нанёс Азалью.

Старый плащ Гирион сложил аккуратнее, чем требовала ветхая ткань, свернул и привязал к кожаной сумке. Только потом надел новый.

Азаль посмотрел на свёрток.

— Я думал, старый всё-таки оставишь.

— Нет.

Гирион поправил новый плащ на плечах и только тогда кивнул.

— Спасибо.

Несколько секунд они молчали.

За спиной Азаль поднималась башня Ордена — низкая, грубая и действительно чуть кривая. Над входом была высечена та же восьмиконечная звезда, которую Хранители носили на плащах: знак был старше здешней башни и старше самой ветви Ордена в Зэре.

— Куда сначала? — спросил Азаль.

Гирион посмотрел на дорогу.

— К людям.

Азаль несколько секунд молчал.

— Очень точно.

— Если металл падал с неба, искать его в одной горе бессмысленно. Начну с ближайших селений и старой соляной дороги. Потом — рынки, кузницы, рудники, порты. Буду идти от одного рассказа к другому.

— «В детстве мой дед видел, как звезда упала за лесом»?

— Именно.

— Половина будет врать.

— Больше.

— Остальные будут пересказывать то, чего сами не видели.

— И среди них может оказаться один человек, который видел.

Азаль усмехнулся.

— Как поймёшь, что след настоящий?

— Проверю место. Потом сам металл: вес, структуру, поведение в огне и под силой.

— То есть сначала слух.

— Потом знание.

Азаль кивнул.

— А если придётся обойти всю Зэру?

Гирион поправил ремень сумки.

— Значит, обойду.

— Вернись с мечом.

Гирион коснулся сломанного клинка у пояса.

— Для этого и ухожу.

Он сделал несколько шагов.

— Гирион.

Тот обернулся.

Азаль стоял у ворот. Ветер трепал край его плаща, и серебряная восьмиконечная звезда на спине то скрывалась в складках, то снова ловила утренний свет.

— Вернись.

Гирион несколько мгновений смотрел на него.

— Постараюсь.

Азаль коротко кивнул, и этого оказалось достаточно.

Гирион повернулся к дороге.

Через несколько минут море скрылось за скалами.

Он больше не оглядывался.

Впереди лежала Зэра — дороги, деревни, рынки и сотни чужих воспоминаний. Где-то среди них мог сохраниться рассказ о звезде, когда-то упавшей на землю, а вместе с ним — первый настоящий след металла, из которого Гирион собирался выковать новый меч.

Гирион уходил, уверенный, что глубоко под камнем дракон всё ещё спит.

Глава 3: «Тишина»

После возвращения из Ривенхайма Газар два дня почти не выходил из своей комнаты.

Для Церкви поездка завершилась обычным отчётом: имя погибшего, точная форма слова, описание превращения и исход. Чистовой лист лежал на краю стола, готовый к передаче старшим.

Под ним лежал другой лист — сложенный вчетверо, потемневший на сгибах. На нём осталось то, чего не было в церковной форме: страх Дарна, преследовавший его образ, имя охотника Рагна и северные скалы, которых избегали звери. Этот лист Газар никому не показывал.

Рядом лежал третий — рисунок неизвестных знаков из пещеры. Газар развернул его и провёл пальцем по угловатым линиям. Вспомнились холод невидимой преграды и тусклое голубое свечение под ладонью.

Газар достал из стопки старую книгу. Переплёт давно разошёлся, страницы пахли пылью и маслом. Он уже перечитывал нужное место вечером после возвращения и ничего нового там не нашёл. Автор спорил с каким-то давно забытым культом, осуждал гадателей, перечислял ложные чудеса и несколько раз употреблял слово, которое Газар прежде почти не замечал.

«Магия». Слишком широкое слово: за века им успели назвать и божественное вмешательство, и проклятия, и ловкость ярмарочного фокусника. Оно не объясняло, почему один

человек после слова ломал себе руки, другой менял собственное тело, а третий годами учился вызывать лишь слабый свет.

Газар закрыл книгу.

Он уже собирался убрать бумаги, когда в дверь постучали.

Газар накрыл рисунок официальным отчётом.

— Входи.

На пороге появился мальчишка из трактира возле южных ворот. Газар видел его несколько раз: тот носил кувшины, выгребал золу из очага и за мелкую монету охотно напоминал, кто о чём говорил после третьей кружки.

Сейчас кружки при нём не было. Только короткая полоска бумаги, сложенная дважды.

— Это тебе велели передать.

— Кто?

Мальчишка пожал плечами.

— Мужик в дорожном плаще. Сказал, если спросишь, ответить: «с Серых скал».

Газар не сразу протянул руку.

— Как выглядел?

— Обычный.

— Это не описание.

Мальчишка задумался.

— Старше тебя. Шрам на щеке. Дорожный плащ тёмный, до горла застёгнут. Больше ничего особенного.

Газар взял записку.

Внутри было всего две строки.

«Ты ищешь то, что Церковь называет проклятием. Я знаю, что это. Старая мельница у Богфора. Третий вечер после новой луны».

Ни подписи, ни просьбы ответить.

— Он заплатил тебе?

Мальчишка кивнул и, не дождавшись новых вопросов, ушёл.

Газар дождался, пока дверь закроется, и перечитал записку.

Серые скалы. Орден Хранителей редко появлялся в Ривенхолде, а слухи о нём противоречили друг другу. Одни называли Хранителей наёмниками без короля; другие рассказывали, что те приезжают после странных превращений, расспрашивают свидетелей и запрещают произносить некоторые слова. Церковь относилась к ним настороженно, хотя открытой вражды пока избегали обе стороны.

Газар знал больше большинства церковников лишь потому, что задавал больше вопросов.

Если записку действительно прислал Хранитель, то впервые кто-то из Ордена сам искал встречи с ним.

Он поднёс записку к свече. На мгновение бумага потемнела от жара, но Газар отдернул руку. Сжечь можно было позже.

* * *

Богфор не исчез. Он просто перестал быть тем Богфором, который Газар помнил ребёнком.

Новые дома стояли дальше от старого берега, выше по склону. Там снова пахло рыбой, дёгтем и мокрым деревом; на пристани спорили грузчики, дети бегали между телегами, а у нескольких дверей висели знаки старых богов. Люди научились жить рядом с местом, где когда-то раскололась их прежняя жизнь.

Газар прошёл через поселение не задерживаясь.

Старая мельница стояла ниже по течению. После катастрофы её так и не восстановили: половина стены обвалилась, деревянное колесо сгнило, а жернов лежал в траве, наполовину ушедший в землю.

До назначенного времени оставалось ещё немного. Газар не вошёл сразу. Обошёл развалины по кругу, проверил следы у реки, посмотрел на дорогу. Лишь убедившись, что рядом никого нет, шагнул внутрь.

Человек ждал у пролома в стене — высокий, сухой, с коротко остриженными тёмными волосами. Через правую щёку шёл старый шрам, неприметный дорожный плащ был застёгнут до горла.

— Газар?

— Ты меня позвал.

Незнакомец скользнул взглядом по дверному проёму за его спиной.

— Один?

— Если бы я привёл людей Церкви, ты бы уже их увидел.

— Не обязательно.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Мужчина едва заметно поморщился.

— Хотел услышать, как врёшь.

— И как?

— Пока неплохо.

Газар остановился в нескольких шагах.

— Имя.

— Торан.

— Этого мало.

Торан несколько мгновений смотрел на него, затем расстегнул дорожный плащ. Под ним оказался другой — тёмный, вытертый на плечах. Когда Торан повернулся вполборота, на спине блеснула серебряная восьмиконечная звезда.

Газар задержал взгляд на знаке.

— Хранитель.

— Пока ещё.

— Не боишься приходить на тайную встречу в плаще Ордена?

Торан снова застегнул верхнюю одежду.

— Я не стыжусь того, кем стал.

— Но собираешься продать мне то, что узнал там.

Черты Торана на мгновение застыли.

— Я не продаю Орден.

— Тогда что именно ты продаёшь?

Торан отвёл взгляд к пролому в стене.

— У Ордена есть знания, о которых нам запрещают даже спрашивать.

Газар прислонился плечом к уцелевшему косяку.

— И ты решил, что жрец Церкви добьётся для тебя открытости?

— Я пришёл не к Церкви.

— Ряса утверждает обратное.

— Я спрашивал о тебе. Ты годами ходишь по деревням и собираешь не молитвы. Тебя интересует, почему всё происходит.

На лице Газара ничего не отразилось.

— Люди много говорят.

— Иногда даже правду.

— Допустим. Что ты хочешь?

Торан протянул руку ладонью вверх.
— Сначала увидеть, что ты пришёл не зря.
— Серебро?
— Серебро тоже.
Газар достал небольшой кошель, но не отдал.
— За слухи я не плачу.
— А за что платишь?
— За то, что человек видел сам. Или слышал от того, кто точно знал.
Торан усмехнулся без веселья.
— Удобно.
— Иначе я бы разорился на рассказах о трёхголовых волках и мёртвых, которые возвращаются домой по ночам.
Несколько секунд Торан молчал.
— Хорошо. Спрашивай.
Газар убрал кошель обратно.
— Начнём с простого. Гирион.
Торан сразу поднял глаза.
— Что ты о нём знаешь? — продолжил Газар.
— То, что знают в Ордене. Пришёл в Зэру в ночь катастрофы. Сражался с тварью. Потом основал Серые скалы.
— Это знает половина юга.
— Половина юга не стояла рядом с ним.
Газар чуть выпрямился.
— Ты стоял?
— Позже. Я пришёл на Серые скалы ещё до его ухода. Не первым, но достаточно рано.
— Значит, видел его работу.
— Видел.
— Слова?
Торан покачал головой.
— Не только.
Газар не переспросил сразу. Достал из сумки бумагу и приготовил перо.
Торан посмотрел на него с раздражением.
— Будешь записывать?
— Если окажется правдой.
Газар коснулся пером бумаги.
— Что значит «не только слова»?
— Знаки. На камне, металле, ткани. Гирион называл их рунами.
Перо на мгновение остановилось.
— Руны, — повторил Газар.
— Ты знаешь это слово?
— В старых текстах оно встречается. Обычно рядом с гаданиями, защитными знаками и всякой чепухой.
— Эти были не чепухой.
— Что они делали?
— Разное. Удерживали огонь. Усиливали железо. Некоторые вещи Гирион готовил заранее и отдавал группам. Мы пользовались ими, хотя большинство из нас понятия не имело, как они устроены.
— А ты?
Торан ответил не сразу.

— Мне тоже не объясняли.

Этой паузы Газару хватило, чтобы понять: серебро было не главным.

— Азалью объясняли?

Торан посмотрел на него резко.

— Откуда ты знаешь про Азаль?

— Я знаю, кто сейчас Мастер Ордена.

— Не прикидывайся. Ты спросил именно про обучение.

— Потому что у любого учителя есть ученик, которому он доверяет больше остальных.

Торан отвернулся.

— Да. Азаль Гирион учил отдельно. Остальные вытаскивали раненых, пользовались готовыми вещами и записывали последствия. Азаль оставался с ним по ночам.

— Ты видел, чему он научился?

— Видел достаточно. Он чувствует силу и работает с рунами. А чему ещё его учил Гирион, Азаль никогда не рассказывал.

— Поэтому ты злишься на Азаль.

— Не только на него.

Торан сделал шаг ближе.

— Когда горит дом, нас отправляют внутрь. Когда человек превращается, мы встаём перед ним. Когда в лесу появляется невиданная тварь, мы идём первыми. Для этого мы достаточно надёжны. Но стоит спросить, с чем имеем дело, — слышим одно и то же: «не твоё знание», «Мастер решил». Год за годом.

— Возможно, потому что знание опаснее меча.

— Ты сейчас говоришь как Азаль.

— Иногда он прав.

Торан усмехнулся без веселья.

— Я думал, ты захочешь услышать больше.

— Хочу. Но если ты пришёл только потому, что обиделся на Мастера, цена твоим словам ниже.

Торан замолчал.

Ветер прошёл через пролом и зашевелил сухую траву у жернова.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда вот тебе не обидно.

Газар поднял перо.

— Гирион называл эту силу не проклятием.

— Это я предполагал.

— И не просто силой.

Торан посмотрел прямо на него.

— Магией.

Перо не коснулось бумаги.

На одно мгновение старая мельница исчезла. Вместо неё Газар увидел страницу древнего трактата, строчку, которую много раз считал бесполезной, и собственную комнату в Ривенхолде, где ещё несколько дней назад отложил это слово как слишком расплывчатое.

— Повтори.

— Магия.

— Ты слышал это от Гириона?

Торан несколько мгновений молчал.

— Слышал. Случайно. Много лет назад Азаль говорил с Гирионом в башне. Я принёс донесение и ждал за дверью. Услышал только одну фразу: «В вашем мире магии почти не было». Потом меня заметили.

— И больше ты этого слова не слышал?

— При мне — ни разу.

Газар всё-таки записал: «магия».

Одно слово на целой строке.

— Что оно значит для них?

— Не знаю.

— Тогда откуда уверенность, что речь о том же, что Церковь называет проклятием слова?

Торан ткнул пальцем в блокнот.

— Потому что руническими вещами мы пользовались без произнесения слов. Гирион отдавал их уже готовыми. Значит, слово — не сама сила. Оно лишь придаёт ей форму.

Газар поднял взгляд.

— Это твой вывод?

— Мой. Азаль с рунами умел больше остальных, но что именно ему объяснял Гирион, я не знаю.

Газар медленно положил перо на страницу.

Это было больше, чем новое название. Если Торан говорил правду, Церковь годами изучала самое заметное проявление силы, принимая его за причину.

— Почему этого нет в церковных донесениях?

— А почему записи вашей Церкви не лежат у нас на столах?

— Потому что мы не доверяем вам.

— Вот и мы вам.

Ответ прозвучал слишком быстро, чтобы быть подготовленным.

Газар кивнул.

— Теперь — тварь из той ночи.

Торан перестал смотреть на кошель.

— Что с ней?

— Я видел её ребёнком. Крылья. Огонь. Потом она ушла к Ривенхайму вместе с Гирионом. В Церкви до сих пор спорят, погибла ли она вообще.

— Не погибла.

Газар не двинулся.

— Откуда знаешь?

— Это я слышал сам. Был в зале, когда Гирион уходил с Серых скал.

— Продолжай.

— Он сказал старшим: дракон жив. Так он называл тварь — дракон. Он удержал её, но не навсегда.

На мгновение внутри Газара всё стало очень тихо. Память вернула холод под пальцами, голубые знаки и невидимую поверхность, закрывающую проход целиком. Ни одна из этих догадок не отразилась на его лице.

— Где?

Торан коротко рассмеялся.

— Если бы я знал, мы бы говорили о другой цене.

— Значит, Гирион не сказал.

— При всех — нет. После собрания Гирион оставил Азаля одного. О чём они говорили, я не слышал. Нам место так и не сообщили.

— А чем удержал?

— Этого тоже не сказал.

— Ты же жалуешься, что от вас всё скрывают. Неужели ни разу не пытался выяснить?

— Пытался.

— И?

— Азаль умеет закрывать дверь не хуже Гириона.

Газар снова взял перо.

— Что было известно всем старшим?

— Что удержание временное. И что Гирион собирался закончить бой.

— Как?

— Новый меч.

— Обычный?

— Из металла, которого здесь могло вообще не быть. Он называл его звёздным. Металл, упавший с неба.

Газар записал и это.

— Он нашёл его?

— Не знаю. Гирион давно ушёл. Иногда говорят, что его видели то в Тавендоре, то на востоке, то у моря. В Орден он не возвращался.

— Азаль знает, где он?

— Если знает, нам не говорит.

В голосе снова появилась та же старая обида. Газар убрал бумагу и перо.

— Теперь серебро.

Он бросил кошель. Торан поймал его одной рукой, но не убрал сразу.

— И всё?

— Ты хотел плату.

— Я хочу знать, что ты найдёшь.

— Это уже другая сделка.

— Я дал тебе больше, чем деньги стоят.

— Нет. Ты дал мне несколько фактов и много своей злости.

Торан шагнул ближе.

— Думаешь, я не понимаю, что делаю?

— Думаю, ты очень хочешь считать это чем-то другим, кроме предательства.

Челюсть Торана напряглась.

— Я не предаю обязанность Ордена.

— Тогда что ты предаёшь?

Торан ответил не сразу.

— Молчание.

Газар почти улыбнулся, но удержался.

— Забавно слышать это от человека, который пришёл к жрецу Церкви Тишины.

— Я пришёл к человеку, который хочет понимать.

— Ты меня не знаешь.

— Поэтому и взял серебро.

Теперь улыбнулся Торан, но ненадолго, и спрятал кошель под плащ.

— Если захочешь ещё говорить — оставь в трактире у южных ворот пустой конверт с одной серебряной монетой. Мне передадут.

— А если я приведу людей?

— Тогда больше меня не увидишь.

— Разумно.

Торан направился к выходу, но у пролома остановился.

— Газар.

— Что?

— Если доберёшься до того, что Азаль прячет, не делай из этого новую церковь.

Газар посмотрел на него.

— Я ещё не решил, что из этого делать.

Торан кивнул и вышел.

Шаги быстро растворились в шуме реки. Газар остался у старого жернова и снова достал бумагу. На листе было пять коротких строк: «Руны». «Магия». «Дракон жив». «Удержание временное». «Звёздный металл».

О пещере он не написал ни слова.

* * *

К Ривенхайму Газар повернул ещё до рассвета.

Он мог сразу вернуться в Ривенхолд. Поездка к Богфору уже заняла больше времени, чем было удобно объяснять старшим. Но после разговора с Тораном мысль о пещере перестала быть одной из многих догадок.

Дорога к северным скалам была знакома только в последних милях. Остальное время Газар шёл по памяти, дважды сбился и один раз потерял почти час на неверном ответвлении. К входу он добрался под вечер.

Место встретило его той же неправильной тишиной: ни птиц, ни следов на мокрой земле — только ветер выше по склону и редкий стук камешков, осыпавшихся с уступа.

Газар протиснулся в трещину, сосредоточился и тихо произнёс известное ему слово света. Над ладонью возник слабый белый огонёк, и Газар стал спускаться.

Голубоватая линия показалась впереди. Он приблизился и положил ладонь на пустой воздух.

По пальцам сразу прошёл знакомый холод, а через мгновение под ними проступили угловатые знаки.

— Руны, — тихо сказал Газар.

Произнесённое название ничего не изменило: барьер не дрогнул, знаки не стали ярче. Но для самого Газара изменилось многое.

До разговора с Тораном перед ним была намеренно созданная преграда неизвестной природы. Теперь у способа её создания появилось хотя бы название. Гирион пользовался рунами, а живого дракона удерживал в месте, которое Орден держал в тайне.

Перед Газаром находилась руническая преграда в тех самых горах, куда после катастрофы ушли крылатая тварь и чужеземец. Доказательством это не было, но списать всё на случайность становилось всё труднее.

Он присел на камень и достал старый рисунок.

Сравнивать было почти нечего: линии на бумаге он воспроизводил по коротким вспышкам, некоторые углы наверняка ошиблись, часть знаков он вообще не успел запомнить. Теперь он снова касался барьера, ждал появления рисунка и исправлял набросок.

Работа шла медленно. После нескольких попыток заболела голова, свет над ладонью погас, и Газар не стал снова произносить слово. Он остался в темноте напротив слабого голубого отблеска.

Церковь говорила о проклятии слова. Гирион говорил о магии. Если Торан не лгал, слово было не источником, а одним из способов направить силу. Именно это Газар предположил после смерти Дарна; теперь его догадка впервые получила независимое подтверждение.

Подтверждение ещё не было доказанным законом. Газар по-прежнему не знал, как устроены руны, почему одни слова действуют, а другие нет, и что находится за барьером. Даже «магия» оставалась чужим названием. Но теперь это название было связано с Орденем, где силой действительно умели управлять сознательно.

Газар сложил рисунок и спрятал его. Ломать внешнюю преграду, не понимая её устройства и назначения, было не смелостью, а глупостью. Пока он мог лишь наблюдать. Он поднялся и пошёл к выходу.

* * *

В Ривенхолд Газар вернулся усталым и злым на самого себя за то, что задержался так надолго.

Старший жрец вызвал его прежде, чем он успел переодеться.

Комната для отчётов находилась за главным залом храма. В ней не было окон — только два шкафа с книгами, стол с заточенными перьями и знак Церкви на голой стене.

Старший сидел за столом и перелистывал принесённые кем-то записи.

— Ты должен был вернуться раньше.

Газар снял сумку с плеча.

— След оказался длиннее, чем я рассчитывал.

— Какой след?

— Свидетель из Богфора. Он слышал о нескольких случаях на южной дороге. Большая часть оказалась пересказами.

Это была не совсем ложь — возможно, поэтому она прозвучала спокойно.

Старший протянул руку.

— Отчёт по Дарну. Ты так его и не сдал.

Газар достал официальный свиток.

Рисунок рун остался под одеждой, а страница с записью разговора — на дне сумки, под запасной рубахой.

Старший читал медленно. Иногда останавливался, возвращался на строку выше и проводил ногтем по полю.

— Ты опять задержался дольше, чем требовал обычный опрос.

— Мне нужно было проверить показания.

— Для отчёта достаточно имени, слова, проявления и исхода.

— Для архива — да.

Старший поднял взгляд.

— И для наставления людям. Им нужно знать, какого слова избегать.

— А если одно и то же слово не всегда даёт один результат?

— Тогда запрещаем его в любом случае.

— Это не объяснение.

— Мы не обязаны объяснить огонь, чтобы не совать руку в костёр.

Газар помолчал.

— Но если мы хотим его использовать, обязаны.

Старший перестал листать.

Тишина в маленькой комнате стала плотнее, и Газар сразу понял, что сказал больше, чем собирался.

— Использовать?

— Понять границы, — поправился он. — Чтобы отличать опасность от слуха. В деревнях уже боятся обычных слов только потому, что они похожи на известные формы.

Старший ещё несколько мгновений смотрел на него.

— Для этого ты и собираешь свидетельства. Не больше.

Газар кивнул.

— Понял.

Старший опустил взгляд к отчёту, но читать не продолжил.

— Ты молод, Газар, и слишком любишь искать второй вопрос там, где первый уже дал полезный ответ. Это хорошо для исследователя. Плохо для человека, который начинает считать свою догадку важнее порядка.

Газар не ответил.

— Я не запрещаю тебе думать, — продолжил старший спокойнее. — Но в отчёте должны быть наблюдения, а не твои желания.

— Здесь только наблюдения.

— Пока — да.

Старший свернул лист.

— Отдохни день. Потом разберёшь записи из западных приходов. Там снова три смерти после одного и того же слова.

— Хорошо.

Газар взял сумку.

У двери старший окликнул его:

— И Газар.

Он обернулся.

— Если найдёшь что-то действительно новое — сначала принеси сюда. Не проверяй на себе.

— Конечно.

Он сказал это без улыбки.

* * *

Ночью храм затих.

Газар сидел в своей комнате, но дверь запер и подпер стулом. Свечу поставил ближе к стене, чтобы свет не был виден из коридора.

Перед ним лежали официальный список случаев «проклятия слова», старый религиозный трактат, исправленный рисунок рун и страница, в котором имя Торана не встречалось ни разу.

Газар открыл последнюю страницу.

Сверху стояло слово, которое Церковь употребляла во всех донесениях:

«Проклятие».

Ниже он написал:

«Сила».

Потом долго смотрел на пустую строку.

Наконец вывел:

«Магия».

Он отложил перо.

Три названия могли относиться к одному явлению. Но только слово «магия» пришло из Ордена как название силы, которой там умели управлять сознательно.

Это ещё не делало Гириона правым, а Церковь — неправой. Газар слишком хорошо знал цену красивому объяснению, чтобы менять одно верование на другое из-за нового слова.

На следующей странице он отделил услышанное от собственных выводов: рунические вещи, которыми Хранители пользовались без произнесения слов; отдельное обучение Азаля; живой дракон; временное удержание; поиски звёздного металла. Возле каждой строки поставил помету: «Со слов Торана».

Под последней строкой Газар положил рисунок из пещеры.

Связь напрашивалась сама: чужеземец и крылатая тварь ушли к Ривенхайму, а в тех же горах Газар нашёл закрытый рунами проход. Но он не знал, что находится за внешней преградой, и не мог доказать, что её создал Гирион. Поэтому под рисунком он написал одно слово: «Проверить».

Газар снова посмотрел на три записи: «Проклятие». «Сила». «Магия».

Он взял перо и рядом с первым написал два коротких слова:

«Название. Не причина».

Перо замерло. До этой ночи он спрашивал себя, что породило проклятие слова. Теперь вопрос впервые звучал иначе: было ли проклятие вообще?

Глава 4: «Слёзы Феникса»

После той поездки в Ривенхайм Газар уже не сумел оставить пещеру в покое. Он вернулся в Ривенхолд, сдал то, что обязан был сдать, выслушал обычные вопросы и снова занялся делами Церкви, но северные скалы будто остались где-то за плечом. Вечерами, когда коридоры храма стихали, он разворачивал исправленный рисунок рун и ловил себя на том, что помнит не столько линии, сколько холод невидимой поверхности под ладонью.

Через несколько недель он пришёл снова. Потом ещё раз — по первому снегу, когда камни у входа стали скользкими, а пальцы немели раньше, чем он успевал закончить зарисовки. Весной принёс верёвку и уголь, летом — деревянную мерную планку. Прошёл год, за ним другой. В церковных журналах его путь растворялся среди настоящих поручений: опросов в горных деревнях, осмотров мест, где после опасного слова погиб человек, поисков свидетелей. Газар возвращался с настоящими отчётами — и всё равно оставлял для себя ещё один день, ещё один крюк к северным скалам.

Пещера не менялась.

За узким проходом по-прежнему стояла невидимая преграда. Стоило коснуться её ладонью, как под пальцами проступали угловатые знаки и по коже проходил холод. Теперь Газар называл их рунами — осторожно, только в собственных записях. Слово, услышанное от Торана, не объясняло их устройства, но хотя бы давало название тому, что прежде было просто неизвестной преградой.

Поначалу он заставлял себя только наблюдать. Это было труднее, чем казалось.

Он измерял ширину прохода, отмечал, где знаки вспыхивают чаще, сравнивал рисунки. Приносил копии старых церковных изображений, найденных на оружии и камнях после странных случаев, но сходства почти не было. Иногда, раздражённый собственной беспомощностью, давил на преграду обеими ладонями, упирался плечом, стучал деревянной рукоятью ножа. Ответом оставались холод и короткая вспышка знаков.

Однажды, очищая мокрый камень у правой стены, он заметил тонкую борозду. Линия была слишком ровной для природной трещины и совпадала с одним из лучей руны, появлявшейся на преграде. После этого поиск стал другим.

Руны находились не только в свете.

Часть их была нанесена прямо на камень, почти незаметно. Некоторые линии уходили к потолку, другие спускались к полу. Газар зарисовывал их, возвращался через месяц и проверял снова. Когда убедился, что рисунок не меняется, решился повредить одну из самых внешних линий.

На третий удар зубила голубой свет вспыхнул сразу по всему проходу.

Газар отшатнулся и несколько мгновений ждал последствий, но ничего не произошло.

Он снова коснулся преграды. Та оставалась твёрдой, однако руна возле повреждённой борозды теперь загоралась не полностью.

В тот день Газар больше ничего не тронул.

В следующий приезд он повредил вторую внешнюю линию. Потом третью. После каждого удара ждал — не вернётся ли свет, не затянется ли борозда, не ответит ли пещера чем-нибудь новым. Между опытами проходили недели и месяцы. Не зная, способна ли преграда восстановиться и что произойдёт при повреждении центрального рисунка, Газар двигался медленно, хотя желание увидеть другую сторону становилось всё сильнее.

Постепенно сопротивление изменилось. Сначала почти незаметно. Потом под сильным нажимом невидимая поверхность начала подаваться на толщину пальца.

Одному человеку этого всё равно было недостаточно.

Только тогда Газар впервые попробовал «силус». Он уже знал: повреждённая преграда отвечает на физическое давление.

Он встал перед дверью один, упёрся обеими ладонями и произнёс слово, удерживая в сознании только одно движение: вперёд. На несколько мгновений собственное тело стало

непривычно лёгким и сильным. Каменная крошка под сапогами сдвинулась, в плечах возникло опасное ощущение, будто сопротивление перестало иметь значение. Газар сразу вспомнил десятки отчётов о вывихнутых суставах и разорванных сухожилиях. Он толкнул.

Голубые знаки вспыхнули. Преграда дрогнула и подалась чуть глубже, чем прежде, но осталась на месте. Через несколько вдохов в локтях появилась боль, и Газар прекратил воздействие. На обратной дороге руки ныли до самого вечера.

Позже он повторил попытку ещё дважды — после долгих перерывов и с тем же результатом. Усиливать воздействие означало проверять предел уже не двери, а собственного тела.

Этого Газар делать не собирался.

Газар видел, чем это заканчивается: человек получал силу поднять балку или вытолкнуть повозку, а потом обнаруживал, что суставы и сухожилия остались прежними.

В конце концов вывод стал неприятно прост: одному ему не хватало силы. Нужны были люди.

И словно в насмешку именно тогда церковное начальство решило напомнить ему, что даже собственным временем он распоряжается не вполне сам.

* * *

Через четыре дня после возвращения из гор Газара остановили у дверей архива.

— Верховный ждёт тебя.

Послушник, передавший слова, сразу ушёл, словно не хотел иметь к разговору никакого отношения. Газар проводил его взглядом и положил на место свиток, который собирался взять с собой.

За прошедшие годы изменилось и положение человека, который когда-то вызывал Газара для отчётов. Старший жрец поднялся во главе Церкви Тишины и теперь был Верховным. Для Газара перемена титула мало что изменила: тот же спокойный голос, та же привычка выслушивать до конца и то же право закрыть перед ним нужную дверь. Верховный жрец сидел в небольшой комнате за главным залом. На столе лежали журналы выездов, несколько писем из северных приходов и знакомая связка ключей от старого хранилища.

Газар заметил ключи прежде, чем сел.

— Ты снова был в Ривенхайме, — сказал Верховный.

Это не было вопросом.

— Был.

— По поручению?

— Я проверял старый след.

— Я спросил не об этом.

Газар выдержал короткую паузу.

— Нет. Не по поручению.

Верховный перевернул лежавший перед ним журнал. Несколько строк были отмечены тонкими угольными чертами.

— За последние месяцы у тебя удивительно много дел возле северных приходов. В одном месте ты действительно опросил семью погибшего. В другом поговорил с мельником. В третий раз вернулся с пустыми руками. В четвёртый даже не написал отдельного отчёта.

— Не каждый след чего-то стоит.

— Согласен. Но обычно ты именно тот человек, который считает стоящим даже след, оказавшийся ложным. Хотя бы потому, что из него можно понять, где ошибся свидетель.

Газар ничего не сказал.

Верховный откинулся на спинку стула. Он был уже немолод, но усталость в лице появилась не от возраста. Все годы после катастрофы Церковь росла быстрее, чем успевала понять собственные правила. Приходы требовали наставлений, семьи — ответов, правители — уве-

ренности, которой у жрецов часто не было. Газар знал это и потому долго считал терпение Верховного достоинством.

Сегодня это терпение мешало.

— Что ты там ищешь? — спросил Верховный.

— Если бы знал, уже не искал бы.

— Не играй словами.

— Я не играю. Есть место, связанное с несколькими старыми свидетельствами. Пока я не уверен, что связь настоящая.

— Какое место?

Газар выдержал его взгляд.

— Когда буду уверен, принесу отчёт.

Верховный долго молчал. Потом взял связку ключей и положил её ближе к себе.

— Вот этого я и опасался.

— Чего?

— Что ты начнёшь считать осторожностью всё, что позволяет не отвечать перед другими.

Слова были произнесены спокойно. От этого они задели сильнее.

— Я много лет приношу вам отчёты.

— И всё это время оставляешь половину мыслей в своих тетрадах. Я знал.

Газар впервые за разговор действительно удивился.

Верховный заметил.

— Ты не единственный человек в храме, который умеет видеть закрытый ящик под столом. Я не трогал твои записи, потому что человеку иногда нужно место для сомнений, прежде чем он готов назвать их выводом. Но тайная работа и тайное место — уже другое.

— Вы хотите запретить мне исследования?

— Я хочу, чтобы ты перестал исчезать в горах без ведома Церкви. Следующий выезд — только с моим разрешением.

Газар перевёл взгляд на ключи.

— И хранилище?

— Старые книги будешь получать через хранителя архива. Скажешь, что ищешь, — он выдаст нужное.

— А если он решит, что нужное мне не нужно?

— Тогда придёшь ко мне.

— И решите вы.

— И прикажу говорить.

Простой ответ повис между ними тяжелее угрозы.

Газар медленно кивнул.

— Понятно.

— Надеюсь.

Он уже поднялся, когда Верховный добавил:

— Я не считаю тебя врагом, Газар. И не хочу, чтобы ты им стал.

Газар обернулся.

— Тогда не закрывайте передо мной двери.

— Иногда дверь закрывают потому, что за ней опасно.

— А иногда потому, что один человек решил, будто лучше другого знает, куда тому можно входить.

Верховный нахмурился.

— Осторожнее.

Газар опустил взгляд.

— Простите.

Он сказал это правильно, тем тоном, которого ждали от младшего служителя. Верховный отпустил его коротким кивком.

В коридоре Газар остановился у узкого окна. Внизу темнел внутренний двор, на кухонной крыше блестела после дождя вода, двое послушников тащили корзину с дровами. Всё выглядело обычно. Но одна мысль уже не давала ему покоя.

До сих пор Газар спорил с чужими выводами, с плохими свидетельствами, с собственными ошибками. Любую из этих преград можно было преодолеть знанием. Теперь перед ним стоял человек, которому не требовалось доказать, что Газар ошибается. Достаточно было права сказать «нет».

Газар ещё не называл это властью, но впервые ясно почувствовал её вес.

Через неделю он начал искать тех, кто пойдёт с ним в горы.

* * *

Тивен попытался отказаться ещё до того, как понял, зачем понадобился Газару.

Он сидел во внутреннем дворе храма на низкой каменной скамье и чинил ремень от сумки. День клонился к вечеру; из кухни тянуло дымом и варёным луком, у колодца спорили двое послушников. Тивен держал ремень между коленями и так внимательно протягивал вощённую нить через старую кожу, будто всё остальное его не касалось. Газар остановился рядом и подождал, пока тот заметит тень у своих ног.

— Завтра идёшь со мной в горы.

Тивен не поднял головы.

— Нет.

— Я не спрашивал.

Тивен поднял голову. На мгновение в его лице мелькнуло обычное раздражение, но тут же исчезло. Он услышал не слова — тон. Вокруг всё так же гремели вёдра, кто-то смеялся у кухни, однако между ними стало тихо.

Газар не торопил его. Тивен ещё раз продел нить, затянул узел сильнее, чем требовалось, и только тогда отложил ремень.

Тивен был худощавым мужчиной с длинными пальцами и привычкой тереть большим пальцем старый шрам возле локтя, когда нервничал. В храм он попал после нескольких случаев с «силусом». Первый раз слово сорвалось у него в шестнадцать лет, когда они с отцом вытаскивали телегу из весенней грязи. Второй — во время пожара. Тогда Тивен поднял обгоревшую балку, которую до него не смогли сдвинуть трое взрослых мужчин, и потом почти месяц носил руку на перевязи.

Церковь решила, что безопаснее оставить его при храме.

Газар решил, что это делает Тивена подходящим человеком для одного очень определённого дела.

— Мне нужен тот, у кого «силус» уже срабатывал, — сказал он.

Тивен наконец поднял голову.

— Вот теперь точно нет.

— Ты пойдёшь.

— А если я откажусь?

— Тогда я повторю приказ. Лучше не доводи до этого. Ты знаешь, что может случиться с «силусом», и потому нужен мне больше человека, который ничего о нём не понимает.

Тивен отвёл взгляд и провёл большим пальцем по старому шраму возле локтя. Это движение Газар видел раньше — всякий раз, когда разговор касался слов, которые однажды уже вышли из-под контроля. Когда Тивен заговорил снова, голос стал тише.

— Что нужно делать?

— Ничего. Давить на железный лом.

— В горах.

— Да.

— И для этого вы несколько лет искали именно меня?

— Нет. Несколько лет я искал способ обойтись без тебя.

Тивен посмотрел на него дольше, чем требовал ответ.

— Понятно.

Газар ничего не добавил. Этого оказалось достаточно.

С Рокаром разговор оказался короче, но не легче. Он выслушал Газара стоя, прислонившись плечом к дверному косяку, и ни разу не перебил. Широкоплечий, молчаливый, он слишком давно сопровождал церковные группы в опасные места, чтобы не услышать в голосе приказа. Когда Газар сказал, что дорога займёт два дня и придётся тащить железный лом, Рокар медленно посмотрел ему в лицо. Вопросов было видно больше, чем он задал.

— Во сколько выходить?

Другого Рокар не спросил.

Лирена Газар выбрал по другой причине — и дольше всего сомневался именно из-за него.

Лирен работал в архиве и был моложе остальных. Он обладал острым зрением, аккуратным почерком и привычкой замечать такие мелочи, из-за которых старшие переписчики начинали кашлять и отводить глаза: неверную дату, пропущенное имя, слово, которое в одном свидетельстве звучало чуть иначе, чем в другом. Газар не знал, считать ли это достоинством характера или недостатком воспитания, но для наблюдений такая привычка была полезна. К тому же Лирен ещё не научился делать вид, будто ничего не заметил. Именно это впоследствии тревожило Газара сильнее всего.

Перед выходом он собрал троих у себя.

На столе лежала грубая карта северных склонов Ривенхайма. Нужной пещеры на ней не было.

— О поездке никому не говорим, — начал Газар. — Если спросят, проверяем старые случаи у подножия. Это не просьба.

Лирен сразу нахмурился.

— Верховный не дал разрешения?

— Нет.

— Он знает, куда вы ходите?

— Нет.

Рокар, стоявший у двери, перевёл взгляд с карты на Газара.

— Значит, если нас поймают, неприятности будут не только у вас.

— Именно поэтому будете молчать. Мы вышли без разрешения, и назад никто не повернёт только потому, что испугался последствий.

Никто не возразил сразу. Тивен опустил взгляд на свои руки. Лирен крепче сжал книгу, и кожа на корешке тихо скрипнула. Рокар остался у двери, но теперь уже не выглядел человеком, который просто пришёл узнать время выхода.

Тивен всё же спросил:

— Что там?

— Не знаю. Есть только предположение, и доказательств у меня нет.

— Вы ведь хотя бы предполагаете.

Газар помолчал.

— Предполагаю, что это связано с ночью катастрофы.

Слово будто забрало из комнаты остаток воздуха. За стеной кто-то прошёл по коридору, послышался короткий смех, затем шаги стихли. Здесь никто не улыбнулся.

Лирен опустил взгляд на карту.

— С крылатым ящером?

Газар не ответил сразу. Ему не понравилось, как легко слово прозвучало вслух.

— Возможно.

Рокар медленно выдохнул через нос, но ничего не сказал.

— Внутри, — продолжил Газар, — не произносите ни одного слова из закрытых списков, если я не скажу. Не трогайте то, чего не понимаете. Если скажу уходить — уходим без вопросов.

Тивен поднял на него глаза.

— А если это скажет кто-нибудь из нас?

Вопрос был справедливым.

— Тогда я сначала выслушаю причину.

Тивен кивнул.

На рассвете они вышли из Ривенхолда.

Первые часы дорога была знакомой. По ней ходили телеги к северным деревням, возле ручьёв стояли простые каменные мостки, а на склонах ещё попадались пастухи. Лишь после полудня Газар свернул с тракта на старую тропу. Здесь Рокар молча забрал у Тивена часть общего груза, Лирен убрал книгу поглубже под плащ, спасая бумагу от мелкого дождя, и разговор сам собой закончился.

К вечеру они нашли старый пастуший навес — три каменные стенки и крыша, давно просевшая с одного края. Внутри было сухо. Рокар разжёг небольшой огонь, Тивен разломил хлеб, а Лирен всё-таки достал записи.

Газар заметил это, когда тот уже несколько минут водил пером по странице.

— Что пишешь?

Лирен чуть повернул блокнот, не пряча.

— Дорогу. Когда свернули. Сколько шли после ручья.

— Зачем?

— Вы сами велели записывать то, что можно проверить. Если придётся возвращаться в темноте, я предпочту знать, где мы были.

Газар кивнул.

Тивен сидел у огня, растирая ладони.

— А если нас всё-таки спросят, куда ходили?

— Скажем то, о чём договорились.

— Я помню. Старые случаи у подножия.

Он помолчал и добавил:

— Просто врать жрецу легче, пока не сидишь ночью и не думаешь, что утром придётся продолжать.

Рокар поднял взгляд от ножа, которым резал сушёное мясо.

— Тогда не думай до утра.

Тивен повернулся к Рокару.

— Ты всегда так решаешь трудные вопросы?

— Нет. Только те, которые ночью всё равно не решить.

На этом Рокар вернулся к мясу.

Лирен едва заметно улыбнулся, но ничего не сказал.

Некоторое время слышно было только потрескивание сыроватых веток. Дождь шуршал по крыше. Газар смотрел в огонь и мысленно перебирал линии на двери. Три повреждённые внешние руны. Одна целая у пола. Соппротивление после последней попытки. Он снова проверял последовательность, хотя за годы проделал это десятки раз.

— Вы правда думаете, что там тот ящер? — спросил Лирен.

Газар поднял глаза.

— Я сказал: место может быть связано с ним.

— Это не одно и то же.

— Именно.

— Но если бы вы думали, что там просто старый склад или могила, не взяли бы нас четверых.

Тивен перестал греть руки. Рокар тоже слушал, хотя головы не поднял.

Газар мог оборвать разговор. Вместо этого спросил:

— Зачем ты согласился идти?

Лирен задумался.

— В архиве всё происходит после. Сначала человек умирает или меняется, потом привозят бумагу. Мы переписываем: имя, место, слово, исход. Через месяц это уже строка среди сотни других.

— И?

— Я хотел хоть раз увидеть что-нибудь до того, как оно станет отчётом.

Ответ прозвучал проще, чем Газар ожидал.

Тивен тихо сказал:

— Иногда лучше видеть после.

Лирен посмотрел на него.

— Возможно.

Тивен едва заметно покачал головой, но спорить не стал. На мгновение у Лирена мелькнула улыбка и сразу исчезла.

— А ты почему идёшь?

Тивен долго смотрел в огонь.

— Потому что два раза слово сделало с моим телом то, чего я не просил. Первый раз все называли это чудом. Второй — проклятием. Мне хотелось бы знать, что из этого было правдой.

Газар запомнил ответ.

— Ни одно название не обязано быть правдой, — сказал он. — Оно только помогает людям говорить об одном и том же.

— Церковь так не объясняет.

— Церкви нужно, чтобы люди перестали случайно калечить себя. Для этого слово «проклятие» полезнее длинного рассуждения.

— А вам?

Газар опустил глаза к огню.

— Мне полезнее знать, почему один человек произносит определенное слово и ничего не происходит, а другой после него ломает собственные кости.

Рокар наконец поднял голову.

— А если ответ за той дверью окажется хуже самого вопроса?

Газар не ответил сразу.

— Тогда хотя бы будем знать, чего боимся.

Рокар медленно кивнул.

Ночью они спали по очереди. Перед рассветом дождь закончился. Когда Газар выбрался из-под навеса, облака лежали ниже горных вершин, а воздух пах мокрой землёй и дымом. Лирен уже сидел у стены и переписывал вчерашние заметки начисто.

* * *

К последнему подъёму добрались на второй день.

Чем выше они шли, тем меньше вокруг оставалось следов жизни. Сначала исчезли птицы. Потом перестали попадаться следы копыт возле воды. У самой осыпи снег прошлой зимы ещё белел в глубоких трещинах, но к нему не вела ни одна звериная тропа.

Тивен заметил это первым.

— Здесь всегда так?

— С тех пор, как я нашёл место.

— И вы ходили сюда один?

— Да.

Тивен ничего не ответил. Лишь крепче перехватил ремень сумки.

За большим выступом Газар раздвинул жёсткий кустарник. Узкая трещина в скале открылась перед ними.

Лирен остановился у оплавленного камня.

— Это от огня?

— Похоже.

— Костёр так не сделает.

— Потому я и запомнил.

Внутри пришлось идти боком. Над ладонью Газара горел небольшой белый огонёк, ровный и привычный.

Они спустились ниже.

Голубоватая линия появилась впереди.

Тивен остановился.

— Это и есть преграда?

Газар коснулся пустого воздуха. Под ладонью вспыхнули руны.

— Она.

Лирен подошёл ближе.

— Значит, это те самые руны?

— Да.

— Думаете, их оставил Гирион?

— Не знаю.

— Но вы поэтому нас привели.

— Я привёл вас, потому что несколько лет проверял эту преграду и теперь знаю, что повреждение внешних линий делает её слабее. Всё остальное пока догадки.

Он показал борозды в камне.

Рокар снял с плеча лом.

— Куда?

— Сначала сюда.

Они поставили железо у основания прохода. Рокар навалился всем весом. Металл закрипел, преграда чуть прогнулась и сразу вернулась на место.

— Ещё раз.

Рокар упёрся ногой в камень. На шее выступили жилы.

Преграда подалась немного сильнее.

— Дальше либо лом согну, либо плечо, — сказал он, отступая.

Газар кивнул Тивену.

Тот побледнел ещё до того, как подошёл.

— Я могу отказаться?

— Нет.

Тивен посмотрел назад, в тёмный проход, потом на голубую преграду.

— Я не уверен, что смогу.

— Сможешь. Делай только то, что я скажу.

Тивен отвёл взгляд и подошёл к лому.

Газар посмотрел на троих.

— Теперь вместе.

Тивен напрягся.

— Все?

— Все. Давим на одну точку. Не пытаемся сделать больше, чем нужно. Если почувствуете боль — отпускаете сразу.

Рокар переставил лом так, чтобы за него можно было взяться вчетвером. Железо не обладало особой силой: оно лишь собирало общий нажим в одной точке и позволяло не подставлять под него плечи и ладони. Лирен убрал книгу под одежду и встал с краю. Газар занял место рядом с Тивеном.

— Держите в голове одно движение, — сказал он. — Железо идёт вперёд. Только вперёд. Они взялись за лом и нашли упор для ног.

— Сейчас.

Четыре голоса почти одновременно произнесли:

— «Силус».

Сначала ничего не произошло. Потом железо дрогнуло под руками. У Тивена побелели пальцы, Рокар резко втянул воздух, Лирен стиснул зубы. Газар почувствовал, как привычное усилие тела стало легче — и оттого опаснее.

— Давим. Не рвём.

Лом пошёл вперёд. Голубая поверхность выгнулась внутрь. Руны вспыхнули одна за другой; там, где Газар прежде повредил внешние линии, свет обрывался.

— Ещё немного.

Тивен резко выдохнул.

— Плечо.

— Отпускаем.

Но прежде чем руки разжались, у пола ослепительно вспыхнула последняя целая линия. По ней пробежал свет и оборвался сухим треском. Преграда дёрнулась, словно лишилась опоры, и лом внезапно провалился вперёд. Все четверо едва удержались на ногах.

На мгновение невидимая дверь стала видимой целиком — тонкая голубая стена от пола до потолка. Трещины разбежались по ней сразу во все стороны. Свет рассыпался на десятки тусклых искр и погас.

Газар медленно протянул руку. Пусто. Совместное усилие сделало то, чего он годами не мог добиться один. Огонёк скользнул вдоль стен и пола у открывшегося порога. Борозды, питавшие голубой рисунок двери, заканчивались здесь. Они запирали вход — но Газар не знал, было ли это единственным удержанием внутри.

Он сразу повернулся к Тивену.

— Руку.

— Цела.

— Я сам решу.

Газар осторожно ощупал предплечье и плечо, заставил Тивена несколько раз согнуть пальцы. Потом проверил остальных. У Лирена дрожали кисти, у Рокара ныло запястье, но серьёзной травмы не было.

— Больше «силус» сегодня никто не произносит.

Лирен подошёл к открывшемуся проходу.

— Там спуск.

Нетерпение толкнуло Газара вперёд почти физически. Несколько лет он останавливался перед этой границей. Теперь её не было.

Он всё же обернулся к Тивену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.